

UNIVERSITY OF TORONTO



3 1761 00322566 1

PG

3460

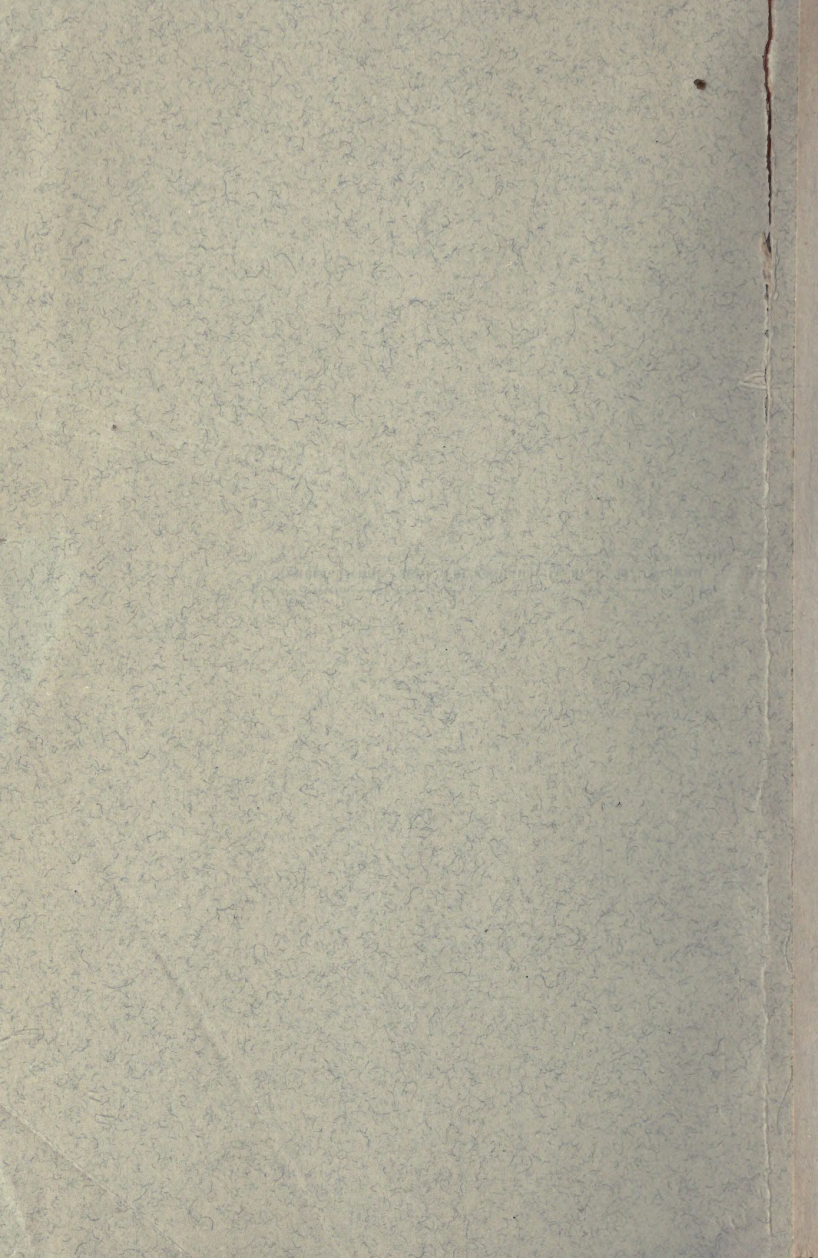
G48L5

1922

ВЛАДИМИР ГИППИУС

ЛИК
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

ЭПОХА



ЛИК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Отпечатано
в типографии
Зинабург и Ко.
в сентябре 1922
Б е р л и н

Gippius, Vladimir Vasil'evich

Lik chelovecheskii

ЛИК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

П О Э М А

РОССИИ

ПОСВЯТИЛ

ВЛАДИМИР

ГИППИУС

В ЛЕТО ТЫСЯЧА
ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ
В Т О Р О Е

Э П О Х А

ПЕТЕРБУРГ ★ БЕРЛИН



PG
3460
G48 L5
1922

ПУТНИК ЗАПОЗДАЛЫЙ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

О чем ты воешь, ветер ночной,
О чем так сетуешь безумно?..

Тютчев.

То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Пушкин.

1

« Начался век эпических поэм,
И повести в стихах пришли в упадок...»
За полвеком гражданственной досады
Крушил нас леший несказанных тем,
Но, декадентский одолев припадок, —
Спроста в классический — сдались мы плен. —

2

И символизм сегодня — не у дел, —
А уж каких ни загинал загадок!
На революции наш век был падок, —
Да эволюция куда сильна... Затем,
Что есть — увы! во всех вещах — порядок,
В историях —закономерность смен...

А нам — то Дионисово — лучилось, —
 Чуть ли не-под-ноги! плесканье недр, —
 Ревмя ревели: бездна, значит, билась, —
 Ярился хаос, булькая средь стен..
 И всё, как надо, — так и приключилось:
 Пошли мы бесам мелким — на исцел!

Каких же нас — эпических поэм
 Несосветимые — воздымут — крылья?
 Таибник девий, бездною блазнимый, —
 Виргилием хранимый — восходил..
 Или пошарить, рыща меж могил, —
 Избывных былей — стилей неизбывных?..

Но, если ты родился — не таков,
 Но, если — вышел ты исхитить душу,
 Но если, — свыше схваченный, нарушил
 Уставный лад испытанных стихов —
 Условный лопот петербургских слов?..
 Я буду петь! — А не-любо, — не слушай..

6

Загут ли мне эпическое пенье,
 Иль оболгут — лирическим гудком, —
 Претензией ли, — праздным измышленьем, —
 Еще любезней: недоразуменьем? —
 Сомнений нет: крепки людские стены, —
 Не прошибёшь ни песнями, ни лбом!

7

Кому же лью — эпическое пенье,
 Кому гужу — лирическим гудком?
 Я ль закоснел? Коснеет ли камень?
 Но невским берегам — непримиренник —
 Бесов ли пленник, — девий ли моленник, —
 Толкаюсь попусту из дому в дом?

8

Так, — попросту: заядлый декадент,
 Пьянино старомодного наследник, —
 Гремит симфонии на-зло соседям, —
 Иль, — гимназист умом — душой студент, —
 Провинциал! по идеалам бредит, —
 На балалайке тренькая с безделья?...

Внимай! я притчею назвал свой сон, —
 Певучий стон и — все-таки поэму, —
 Кому пою? О, не людскому плену, —
 Но — страстности перед последним днем, —
 О я уверен: мой предсмертный звон —
 До будущих достигнет поколений!

Вам, дети революции, печаль
 Моя — неуголимая, живая!
 Для вас светла сгорающая даль —
 Предчаяньем печальнаго рая:
 Вы внидите в него, неумолкая..
 Не умолкай, печаль, не умолкай!

Моя печаль светила на холмах,
 Как отсвет — той зари, — неугасимой:
 Поля дремали в сумраках счастливых,
 Но — яр дрожал пожар на высотах, —
 Но — сны метались в думах и сердцах, —
 Сны человеческие — были живы!

Моя печаль была великим днём,
 Мне снившимся сквозь мглу тысячелетий, —
 Огонь — огню!... Она — перед огнём
 Светила — вам, иных сияний дети, —
 Не утомлений... Да, великолепий:
 Лучей томление — перед Судом!

Судите нас молчавших и желавших, —
 Отриньте скорбь — и вот — примите нас, —
 В отчаяньи, не зная, — призывавших —
 Ваш буйственный и невозможный час:
 Огонь зари в долинах не погасший, —
 Он в ваших солнцах — грозах — не погас!

Воистину, воистину — живая
 Слетала, как предчаянье, печаль, —
 На крыльях рая — птица золотая, —
 Но утро было — мёртвое, — как сталь:
 Знай, ныне — день встаёт, не умолкая, —
 И ты, крылатая, — не умолкай!

Мне снился сон... Но — явный, — явно зримый,
 Он тёмн был, но светом — тьма жива, —
 Действительность цвела неодолимо, —
 И пела грусть — певучие слова:
 Есть звучность! Звучность ли была мертва?
 Мне снился сон, звучащий — буйной силой...

Крик бытия! внимай: жизнь или сон? —
 Я спрашивал с ребяческой тревогой, —
 И книги мудрости — в печали строгой,
 И пчёлы книжные со всех сторон, —
 Шептали: сон, — и колокольный звон
 Напоминал, что сон живых — не долог. —

В ночах младенческих огнём томимый,
 Глазами яркими я видел тьму, —
 Кишмя кишели огненные силы —
 Огню — вовнутрь — навстречу моему:
 Огонь в крови, — во тьме!.. Я не пойму, —
 Я не пойму, что значит — мрак могильный!

Ночь не темна, действительность ясна;
 Ночь видит день; день — утро снов Господних...
 Жизнь или сон?.. Вселенская весна —
 Уже светла: всё, всё, что есть сегодня, —
 Всё будет вновь, — безмерней, превосходней..
 Жизнь или сон? — Намъ радость суждена!

Есть человеческий соблазн: усталость...
 Я сумерек вечерних не любил —
 И лампу зажигал, едва смеркалось, —
 Как будто — Бог зажечь ее забыл...
 Я жить бежал, — я страстно быть спешил, —
 И все мгновенное — мечтой казалось...

Я родился — в мерцаниях огня, —
 В четверг, — в грозу — под блеск июльских молний, —
 В год високосный. Родина моя —
 Москва. В лесу — на даче подмосковной..
 Быть может, — всё случайность бытия, —
 Быть может, — знак — необычайный, — кровный?

Мне чудилось — влияние веков, —
 Во всём случавшемся — предуказанье:
 И то, что родом я из тех краёв,
 Где грозovým означен грохотаньем —
 Мой день ночной, — моих очарований, —
 В веках, в веках! завещанных мне снов...

Обманчивых упрёков не хочу:
 Науку чту, но, — глубже знанья — мудрость, —
 Да! вечера — действительнее утра...
 Я отдаюсь поющему лучу —
 Надежде синеокой, златокудрой, —
 Вот день встает, — и я в огонь — лечу!

Завещанность мне чуялась во всём...
 Я родом из чужой страны. Потомок
 Старинных немцев — вековых потёмок:
 Сражался ли мой прадед под крестом —
 За гроб Господень или — грабежом
 Был на-море разгульным — дик и громок?

Что значат крылья конские в гербе?
 Или стихами он раздолье славил?
 Не имя шумное вручил судьбе, —
 Лишь герб с двумя волшебными конями...
 Волшебник — чур, тебе ли я не равен
 Моими — неуёмными — стихами?

Иль — вымышлен в отечестве Эразма,
 В Голландии — зимой, у камелька —
 Лишь талисман, — чтоб не коснулась язва,
 Чтобы не тронула души тоска?..
 В преданиях Van Hinkst — знаток геральдий, —
 И выдавал себя — за знатока. —

Но — послушник покорный Возрожденья —
 Он имя перевел, как Меланхтон,
 С отличным переводческим уменьем, —
 И Гиппнусом стал в веках за то,
 Что — свист латинский в эллинское пенье, —
 Втянул с немецкой полуглухотой!

Предания гостинной или детской?
 Кто говорил, что будто — первый лук,
 России новый подданный и друг,
 В Москве был явлен Гиппиусом — шведским
 Царю Тишайшему, и ожил вдруг —
 Товаром ходким — старый Мост Кузнецкий.

А кто болтал — и проще, и скромней:
 Приплыв из Мекленбурга, села в Риге
 Семейной нужды ради — без затей
 Одна из семей в дни Екатерины...
 И то, и это мило. — Что верней?
 Я не справлялся в родословной книге.

Не знаю даже, есть она иль нет, —
 Дворянской спеси мой отец не ведал
 И — спорам геральдическим в ответ --
 Настаивал на варианте деда, —
 Что — Поссейдон был Гиппиусов предок, —
 Коня крылатаго — отец иль дед?

Не связанный с заветной стариною,
 Отец родней почти пренебрегал:
 Он из-дому мальчишкой убежал
 От деда — деспота, — и голодал...
 А — с доброю, — немецкою — душою
 Он познакомился — в немецкой школе...

Всем обликом, и бытом и умом —
 Как европеец, он скучал в России,
 Но, времени подхваченный крылом, —
 Студент московский, русский разночинец,
 Чиновником российским стал потом, —
 И страстно — русской отдался стихии.

Смеялся сам, что есть в его крови
 Все крови мира, кроме русской крови, —
 Женился (по расчету-ль? по любви?)
 Случайно ли? на немке чистокровной...
 Ис годы, годы... Все страстней и кровней —
 В Россию верил, — «странною — любовью!»

Я не смущу страдальческий твой лик,
 Сияющий отныне в яви Божьей,
 Здесь отсиявший — в наших днях безбожных;
 Ты был поэт — прими мой стих неложный, —
 Благослови! Еще я не отвык —
 От трепетанья рук твоих тревожных...

Хотел бы я полнее рассказать
 Твою судьбу — твоих неутолений —
 Но больно — горестной касаться тени,
 Но страшно — тень живую вызывать:
 Как Гамлету — ты завещал мне: дать
 Ответ — за все твои недостиженья.

О, вымоли мне свыше благодать, —
 Твоей тоской мою проникни душу,
 Чтобы я мог достойней досказать,
 Чем ты, таясь, — томился... Слушай, слушай!
 И — удержи, чтобы — сквозь слёзы, — суше
 Я научился о тебе — рыдать!

Но о тебе — молчать я не хочу,
 И ты — молчанья моего не хочешь, —
 Недаром, с каждою бессонной ночью,
 Твой вздох пророческий я чувствую, —
 Я чую: повелительный и точный —
 Твой возглас: «Слышишь?..» — Слышу и звучу! —

В тебе томила — ночи глубота,
 И искушала — мёртвость воли тёмной, —
 Но мнилась — непрменная мечта, —
 И ты к ней влёкся — горестью истомной..
 Что снилось сердцу? Только красота!..
 Ты прожил долго — гордый и смущенный...

Как были молоды твои глаза, —
 Весёлый блеск их — как сегодня — помню.
 Умел ты — плакать, — тусклая слеза
 Сменяла изредка твои восторги;
 Но сдержанна была — твоя гроза,
 И не любил ты — разрешённых молний.

Как будто замкнутый в самом себе,
 Хотел бы высказать себя — безвольно, —
 Но покорялся сумрачной судьбе, —
 Безудержно — удержанный, безмолвный..
 Но окрылённый конь — в твоём гербе, —
 Ошибся — чур! — бездолье птицы вольной. —

Удерживал ты гордую мечту
 В стесненьи стен — семьи и министерства;
 Был безупречный семьянин, — но ту,
 Кто заменил тебе пустое детство, —
 Любишь ли ты? О нет! Но — чистоту
 Превыше страсти чтил — душою честной.

Утонченный, изысканный твой умъ,
 Испытанный в науках твердых права,
 Ум государственный, прямой и здравый,
 Страстей народных отвергалъ — разгул, —
 Плеск революций — как ничтожный гул, —
 Гул уличный, случайный и лукавый.

Вольнолюбиво ты искусство чтил,
 А музыку — ей соответным — слухом;
 Литературу родственно любил, —
 Не русскую, — быть может, слишком сухо:
 Иронии божественной цветы —
 Властительно твоим владели духомъ;

Романтики воздушные огни
 Шлепали звонким переливомъ радуг, —
 И был призыв волшебной флейты — сладок:
 Поэзия обязана — манить...
 Что реализм? в нём длится та же нить, —
 Все та же нить и — тех же дел порядок! —

«Служенье муз не терпит суеты»,
 Прекрасное... всегда необычайно!..
 Так Пушкина недвижной красоты —
 С младенчества мне усвоились тайны, —
 И рядом Heine — своеволик Heine, —
 Романтики — пахучие цветы!

Увековечены твои кумиры —
 Да будут, если вечен буду — я:
 Ты обожал — и Гёте, и Шекспира,
 Но в Данте — реяла душа твоя, —
 А Шопенгауер — сон бытия
 Ты осязал — в недосяганьях мира...

В гораццианский не впаду восторг, —
 В стихах бессмертье не приму душою,
 Испытанною — в пламени тревог, —
 Страстнейших, чем гордыня. — Я не скрою,
 Что я хотел быть жаркою грозой —
 И одождать не только сушь дорог...

Что личных воль — слепое восхищенье?
 Куда восхищен снящийся мне сон?
 В какую глубь стремится вихревлращенье?
 В какую высь мой очерк вознесён?...
 Не я, не я!.. Недвижной всех времён, —
 Одно — недвижимое в пространстве — пенье!..

И не поймут мое предвосхищенье!
 И тѣмен будет голос этих строк!
 Падут слова на сушь земных дорог, —
 И не услышат гулкое паденье:
 Ни — нынешних печалей поколенье,
 Ни — поколенье будущих тревог. —

Так значит прозвучат они — не тем,
 Кому — наверно — мной предназначались?
 Умри, умри! Будь голос вещей нем —
 В самом себе, — в одной своей печали...
 И всё-таки! Навек — звучу... Затем —
 Чтоб ангелы, печалясь, — услышали!

Я не шучу. Я знаю — не умрёт, —
 Несущийся — я знаю — донесётся:
 Не слышат — травы, — неба досягнёт, —
 Да, — в пеньи птиц на землю — вновь прольётся!..
 Ты, ветер, — пой! Ты — в огненной колоде
 Восхитил — огненный водоворот!

«Сума сошёл! Вяжи его покрепче...
 Или — оставь на воле... Отойдёт!
 В словах, — жар-птица, а на деле — крот, —
 И даже, может быть, не сумасшедший. —
 Вишь, конь-его-крылат — куда несёт!..
 Угомонись, сердечный мой, — полегче:

Пора забыть забавные затеи —
 Псэзии несдержанную ярь, —
 Дерзанья — были! Нынче путь — вернее:
 И — мелкобесье, и — лесная гарь —
 И всё отмерено, и все умеют...»
 — А я — не мерю, — я пою — как встарь! —

Умею ли? Быть может, не умею
 (Искусство — трудно, — критика — легка —)
 Тружусь. — как раб? — Как жрец! — И разумею, —
 Что требует искусство — знатока. —
 На чей же вкус? Что, — если я — мудрее, —
 И попадаюсь в лапки — простачка?

Гордыня ли? Клянусь, не знаю славы, —
 Иной, чем слава — истовой любви..
 И я был глуп! Но с юностью оставил
 И глупость, — там — за рубежом земли, —
 Где чепуха житейская не в праве —
 Кснутъся блеска утренней зари. —

Я ей служу — единственно прекрасной,
 Я ей курю — певучий фимиам,
 Земля с водой — единожды согласно, —
 Неслыханно вздыхают к облакам —
 В тот явный час! и я молчу — безгласный, —
 И я звучу — открытый — небесам!

Да, наконец! пришла моя пора —
 От суеты отречься человеческой, —
 От сутолоки, от тоски овечьей —
 На площадях... И перед кем мой страх?...
 Гени — стада скорее — со двора, —
 Хвала заре в неутолимой встрече!..

Или склониться нам — к смиренной прозе?
 О чём жалеть? Звучанье этих строк —
 Падёт на паперти и сушь дорог, —
 Без подаяния уйдёт прохожий, —
 И голос выгнавшего будет строг:
 «Не лезь! Ступай — и зябни в бездорожья!»

И буду — стыть! Созвучия, ко мне, —
 Воздушные! слетайте — равнодушной!
 Стихами заклинаю в тишине —
 Морозной ночи: нет мечты — послушной, —
 Смирнее, чем лепет тот беззвучный, —
 Души, сгорающей — в морозной мгле...

Так — мне бессмертье — здесь не суждено...
 Мы встретимся! И — там! друг другу скажем, —
 Отец, отец! что не было дано —
 Нам выразить бессмертный сон стихами:
 Мы оба пали — мёртвые! на дно, —
 Мы — вечности моленья — завещали. —

Мне всё ясней: меня крушит с тобой —
 Одна судьба, — одно недосяганье:
 Сквозь суеты — как возглас роковой, —
 Ты слышал — женское очарованье —
 Тот облик призрачный, — тот Лик живой —
 Беззвучное, беззвучное звучанье!..

Оно тебя влекло — и довлекло —
 До пламенной, — до истовой могилы. —
 Я чувствую — мне изменяют силы...
 И снова — стук! В унылое стекло —
 Просился дух — покинутый, бескрылый..
 Да, ночь страшна.. Плотней — замкни окно!

Как я бессильно пред тобой виновен!
 Как я, случайной силою влеком,
 Ласкаемый отцовскою любовью, —
 Бранил твой кроткий и уютный дом. —
 Чего желал? Куда бежал? Стыдом —
 За то раскинулся мой путь — греховный!..

Я не любил тебя, ах! не любил, —
 А ты себя — измаял покаяньем...
 Не ты — а я! Ох, сонный прах могил
 Не разбудить отчаянным рыданьем...
 О, мальчик мой! родной! О, милый сын, —
 Спеши к живым — скорее на свиданье!

Теперь кричу — из гроба выкликаю,
 Черчу твой герб — на память о тебе, —
 Покорствую неистовой судьбе —
 Все отымающей. Не уступаю, —
 И падаю, и снова подымаю —
 Твой вызов — в вызывающем гербе!

Клянусь, клянусь! До этих пор о славе —
 Я не мечтал, известность — презирал, —
 Теперь мечтаю: страстными стихами —
 Раздаться над угрюмыми сердцами...
 И так боюсь, что я — уже устал, —
 Что бой с судьбой — опять не будет равен!

Не — житие, — не — исповедь твою, —
 Кого уверит истина — событий?..
 Но всё, что я — и знаю, — и люблю, —
 Твоё! — твоих зачатий и наитий
 Очарованье... Нет! не устаю:
 Меж нами делятся — огненные нити!..

И не безволен мой нетвёрдый стих,
 Он только вольности твоей покорен, —
 Ты — там! услышал звон стихов иных, --
 И ты мне плёшь их: ветер через море
 Летит — утешить человечье горе, —
 На берегах — на берегах земных!

Не может быть, чтоб ветер — не звучал, --
 Не может быть, чтоб ты — не отозвался:
 Ты так любил, когда плескался вал
 О берега и — в сердце отдавался, —
 Я помню — ты стоял и любовался, --
 Как камень пену сладко целовал. —

Не знаю я нежней воспоминаний, —
 Как ты гулял со мной по вечерам —
 По берегу, усталый, и вдыхал —
 Дыханья волн, а я вослед бежал
 И — камешки беспечно собирал,
 Обточенные — волн неумолканьем. —

Еще летят — волнующие вздохи, —
 От ветра веющего — от тебя..
 Гимназия — вечерние уроки, —
 Слова и числа — плещут и гудят, —
 Рябят в глазах, — и лампы свет далёкий
 Долит, в постель уютную — маня

Ты, наклонясь, — и молодой, и бодрый, —
 Дневной усталости наперекор —
 В мой слух глухой, — урок — как будто свой --
 Тьердишь с улыбкой медленной и доброй, —
 А я — уж сплю, и — снится милый образ —
 Заботы, наклонённой над душой..

А — по почам: один — как обречённый, —
 За ночью ночь — навстречу мёртвым снам, —
 Работал сам, к бумагам пригвождённый, —
 (Внутри — мечтой одной воспламенный, —
 Над суетой — высоко вознесённый) —
 К делам прикованный, — к делам, к делам!..

Куда девался твой жестокий труд, —
 Твои — над вещью душой усилья?
 В архивных канцеляриях гниют,
 Об'яты тою же сухою пылью, —
 Как кости бедные твои — приют
 Нашли же — наконец! — в земле могильной. —

Россией на бумагах управлял,
 Семью любил, Россию обожал, —
 И — где семья? и — где твоя Россия?..
 И ночь — пришла... В безумстве зарыдал, ---
 Безумства в бездну — распалённый — пал!..
 Распался мир — разрознена стихия..

Ты все предчувствовал. — Смеялись мы —
 Твои же дети — над бездумьем зрячим, —
 Глупцы! не мы ли — злее тишины, —
 Стояли твёрдо — над водой стоячей?
 А ты — предвидел, — чувствовал — иначе,
 Чем общие и слабые умы. —

России нет!.. Есть призрак совершенства
 И — прах обломков... в зареве — луны, —
 Или в сияньи — Солнечной Жены,
 Дарующей вселенское блаженство? —
 О, верю, мы — уже озарены..
 Да не обманет — сон надежды женской!..

Несётся вихрь и пенится исток, —
 Остановлю ль — моих созвучий пенье?
 Или иссякнет — прежде, чем поток
 Моих ночей и дней в коловращеньи?
 Торопится душа в неразрешеньи, —
 Как — в страсти прерывающийся вздох. —

И голос мой размеренный — не строг,
 И тех же слов — неравномерно пенье,
 И образов — неравно насыщенье. —
 Что ж? самому иссякнуть в нетерпенье?
 Что ж? иссушить безкрайное стремленье?
 Но, — вихрь — поёт, — и пенится — исток!

Теснятся звуки, образы, дрожанья...
 «Сдержи, сдержи: единственность сильна!»
 — Так нужным быть! — «Смешное притязанье, —
 Полезностью ль поэзия — вольна?»
 — Так, значит, — грусть безмолвья — решена?.. —
 О, юности моей печаль, — изгнанье!..

Хотел быть нужным, — говорят: не нужен!
 Ну, что ж? не нужен, — значит, — замолчи! —
 И с кем ты был — в особенности дружен, —
 Кому ронял нежнейшие лучи?
 — Зажег свечу — звончее всех жемчужин... —
 «Задуй свечу, — покорствуй, не звучи!..»

«Ты думаешь: ты пользу приносил, —
 Кому-то был, на самом деле, дорог?
 И с кем-то правду Божью сотворил —
 И с ним делил надежду в общем горе?..
 Дай Бог, чтоб до могилы проводил —
 Тот, для кого ты жаждал — мыслил — спорил!»

-- Сияние в незримое — влекло! —
 «Ах! отвлечёнщина... Скажи — прямее!»
 -- Боролись чувственно — добро и зло... —
 Увы! — Не чувствуют — не разумеют, —
 Но — тонкою, но — острою иглой
 Пронзают душу, — злее не умеют...

— Скажите: слово — чувственно иль нет?
 Нечувственного слова я не ведал, —
 Предчувствие неотвратимых бед, —
 Огонь, влекущий к огненным победам?..
 Я замолчу... «Безогненный ответ...»
 — Что ж? Называйте иступленье — бредом!.. —

Я закричу!.. «Кричи себе на славу!..»
 Зажали уши и — пошли гулять...
 Я берегу — горьчайшую отраву
 Внутри себя — как Божью благодать, —
 Безумье право: «все на свете — правы», —
 И каждый прав — на собственную статью!

Ещё — грубей? Ещё — назвать ли проще, —
 Ничтожеством великую печаль?
 Что может быть — торжественней и проще,
 Чем звёздная — сверкающая — даль?..
 Вот — соловей, запел в забытой роще...
 Умри, — печаль! Ведь — ничего не жаль!

Чем злей печаль, тем иступлённей радость,
 Чем глубже радость, тем смелей печаль, —
 Как хорошо! Божественная сладость
 И — мудрость, острая — как сталь —
 В кризи! — как вихрь зари! — блаженной, алой...
 Струись же, радость, — и тони, печаль!..

Я был заносчив, горд и непреклонен,
 Я отреченный буйно убегал, —
 Не поклонялся — ни одной иконе,
 И ни пред кем лампы — не сжигал, —
 И глупость юности — как камень сонный, —
 Слезами покаянья обливал. —

И чем — глупее был, — тем — благосклонней
 Людская глупость вторила мечтам;
 И чем — мудрее, — тем — непримирённой
 Вражда гналась — буквально по пятам. —
 Ты в глупости — уюте и в законе...
 О — юность, юность!.. Слава — дуракам!

Как я покорен был и — как бежал, —
 Покорен гордости — дурацкой силе!..
 Кто — отреченья вдруг — не испытал, —
 На роковой, на роковой могиле, —
 Тот — мудрости не ощутил, не знал..
 Да, истина — на дне! — людских — бессилий!

«Остановись, о путник запоздалый! —
 Стучись, рыдая — в звонкое стекло:
 Сейчас откроют, — отдохнёшь — усталый. —
 И выпьешь тёплое, как кровь, вино...
 -- Стучал, рыдал!.. мечта изнемогала, —
 Открыли — и захлопнули окно! —

· Так — решено: иссякнуть, — не рыдать... —
 О, ты — молчание! о, враг мой вещей!
 Ты — говорящее — темней, чем вещи, —
 Неосуждённые! — в ночах молчать, —
 Ты — восклицательное — громче — резче, —
 Чем камни, — осуждённые — лежать!..

«Конец, конец!.. и правды нет на небе, —
 И славы — на вздыхающей земле, —
 Одна — ласущая тоска о хлебе, —
 И — голос умирающий во мгле!..»
 — Поэт, — сомкни свой невозможный жребий, —
 Клянись — кровавой утренней заре! —



ПУТЬ В ЭММАУС

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

...Глаза их были удержаны

От Луки.

1

Три добрых трети мужеской дороги
Уже пройдя, надежду истомя, —
В сплошной — нечеловеческой тревоге, —
В беспамятстве прилѐг я на пороге
Приюта, не принявшего меня..
И — вот твой труд, закон скитанья — строгий!

2

И . - вот твой подвиг страстный, — человек!
Не унывай: тебе награда свыше
Объцана. Течение вольных рек
Преобразится в неподвижный снег. --
Смежи склонѐнность удрученных век:
Ты воды вешние — не здесь услышишь!

Да! сыну человеческому негде —
 Здесь преклонить усталой головы...
 О мудрость мудрых!.. Не судите прежде,
 Чем ближнего не выгоните вы, —
 Не предавайтесь суетной надежде:
 Воистину — все люди таковы.

И я — таков! и — ты, мой — сын! и — внуку,
 И — правнуку бессильно завещаю —
 Увы! неисполнимую науку:
 Молящего тебя — не отвергай,
 Изнеможённого — не изгоняй:
 Да не подынешь на скитальца руку!

Упал — отверженный. И — свято помню
 Кому я в поданьях отказал, —
 Как я торжественно свой долг исполнил:
 Жёну и сына честно пропитал, —
 Для остальных — мне не хватило комнат, —
 А нищий — мне работать помешал!

Всё это было. Или — вздор, не — важно?
 Поповская, сектантская — мораль?
 Живи себе — ни весело — ни страшно, —
 Сменяй вольготно радостью печаль, —
 По праздникам — усерднее зевай, —
 И дорожи невинностью — домашней. —

Эстетствуй, как эстетствуют твои
 И недруги и други — помаленьку:
 Отцы наши имели деревеньку
 И — благодушно проводили дни,
 Не зарясь на соседское... По Сеньке
 И — шапка, знай... и баю — бай, — усни.

И вдруг — не так! — И — страшное приспело, —
 Уюты скромные смела — гроза, —
 Пропало обывательское дело;
 Желай иль нет, а настезь открывай —
 Все двери настезь: нищего встречай, —
 Так — революция теперь велела!

Крушит и гнёт — и воли не даёт,
 И волю обещает, — кто возьмёт,
 Кто сам возьмёт: слезами сыт не станешь, —
 Всяк потрудись — добудешь в свой черёд, —
 Не впроголодь! Копай свой огород, —
 И во щи — овощ общую доставишь!

Благодарю, восторженные братья.
 О, как восторженно — благодарю!
 Еще я к вам в любовные объятия
 Вернусь встречать вечернюю зарю...
 Но я бегу! Но я вам шлю проклятья!
 Но я дыханьем утренним — горю!

Владел и мною ласковый обычай, —
 И у меня был огород и сад, —
 И скот мычал, и двор был полон птичий
 Петушьих песен; в детской — рай и ад...
 И по стенам — родных портреты в ряд:
 Всё, как приказывал обряд — приличий. —

«Ты мещанин!..» О, да — мещане — братья!
 И в чести я мещанской не упал, --
 Любил, как вы, культурные занятия, —
 И тишь да гладь, — как вы не отвергал, —
 Всю пошлость древнюю — всю без из'ятья, —
 Руками и ногами обнимал. —

Но вот бежал! Как — никогда, ни разу, —
 Не снилось вам, не грезилось вовек!
 Я поклялся не вашему алмазу, —
 И топором — наотмашь — я рассек
 Все, что затвержено, — как по приказу .
 Да свят живёт — свободный человек!

Хотя бы горы чёрной тучей стали,
 Хотя бы льды сомкнули свой черёд,
 А воды — высохли, — стремить устали —
 Свой влажный и размашистый полёт, —
 Всё-всё равно! — Душа, лети — вперёд:
 Не останавливай своей печали!..

Я вас признаю, — если вы — назад
 Вернёте мне моё неутоление,
 Которое мне нашептал мой сад —
 В своём блаженном яблочном цветеньи, —
 Когда я пил его душистый яд —
 И думал: вот — заветное решенье!

Бежать от всех приветов и цветов, —
 Тропинок трепетных — и грядок нежных,
 От — благовеста тех колоколов,
 Которых счастью — меры нет — безбрежной, —
 От всех приволий... Боже городов, —
 Прими мой дух — безудержный, мятежный!

Не созданный для сладких очагов —
 Ни в деревнях, ни в городах... Прощайте,
 Хранители казённых закровов,
 Опекуны и пёстуны — рабов, —
 Я обманул — я не вернусь в объятия
 Невинности, достойной дураков!

Я знаю — волю, знаю и — неволю...
 Неволю — кротким — волю — смельчакам!..
 Приемлю и насилие: как долю —
 Несудержимым в пошлости глупцам, —
 А слаще вольности — лишь богомольность
 В последней боли, — страстность вещим снам!

Или, смирясь (но буйно, до восторга!)
 Отдать себя на произвол судьбы. —
 Сказать рабам: — владейте мной, рабы, —
 И тем утишить дух, страстями скорбный?
 Всё — одинаково смешно и гордо, —
 И всё одна завещанность, — борьбы!

Когда я думаю, откуда — это?
 Моя заветность — утренней заре? —
 Чья кровь текущего во мне завета —
 И всё темней, все гуще и острей, —
 Как иней — в блеске пристального света, —
 Не кровь ли всех отцов и матерей?

Вся кровь, сгущённая, — в нерасторженьи —
 По особям, в отдельностях людских, —
 Но вспыхнувшая вдруг — в одном решеньи?..
 Или — за жалобной отцовской тенью —
 О, мать моя, твое неутolenье, —
 Твой грустный день — в истоме дней моих?

И ты любила — гордо и упрямо, —
 И чувственно жила душа твоя. —
 Рожала — вянула... Росла семья
 И — вдаль ушла... Подобно — жития
 Страницам шелестящим — дочитала
 Свой долгий сон, — ты — бедная моя!

Так, — разные в одном томленьи — оба,
 Кровь одинокую вы жгли до тла...
 Тебя ничья не прикоснулась злота, —
 Но кто — любил тебя? Кому — цвела,
 Кому любовь, мечтая, отдала —
 По старине: любовь, — любовь — до гроба?

И всё мне чудилось: в монастыре
 Проходишь ты монашескою тенью —
 В холодных комнатах, — под скучной сенью —
 Семейной кровли... О, мертвей, мертвей, —
 Мертвее белых стен монастырей —
 Грусть материнская без разделенья!

О, — как простой, доверчивой любви —
 Надежды кроткой ласкового тела —
 И женственно и гордо ты хотела!..
 Отказано... Таись, мечта, в крови —
 Медлительно, пока не отгорела —
 В кругу семьи — родной — пустой семьи!

Но помню я тебя — и молодой, —
 Как будто изнутри — зажжённой, — властной;
 Как зубы белые — твой смех прекрасный
 И голос — громкий, резкий и грудной, —
 Когда доказывала — в спорах страстных —
 С неудержимостью почти мужской. —

Я помню, ты собою всех пленяла,
 И всех — в твой круг приветливый влекла:
 Тогда душа еще желать — мечтала,
 И тот, кого ты чувственно желала, —
 Еще не схвачен был враждебной мглой, —
 Влекущей — разлучающей мечтой...

И детство помню — радостно и свято!
 Гвездо счастливое ты нам свила:
 Одна, — чем сердце женское богато —
 Всю радость отдавала — без возврата, —
 Да, без возврата! радость отдала, —
 Кому?.. О, юности восторг проклятый!

Как малодушно отрекались мы
 От слов твоих — от снов твоей печали,
 Едва повеяло — дыханье тьмы;
 Как вырвались из рук, что нас качали, —
 Как юно, — как жестоко — отрясали
 Заботу грустную, — как прах тюрьмы!..

Не прокляну — ни пламенных раздолий,
 Ни власти отрицающей мечты, —
 Чтоб — в иступлённости последней воли —
 Достигнуть — докоснуться высоты:
 Но юность — знает, только своеволье, —
 Не истины восторг, — а — красоты!

Лишь пыль цветочная — летит по ветру,
 Мешаясь с пылью — ветряных дорог, —
 И все любовницы — равно по сердцу,
 И страстный бред — как заданный урок...
 О, как давно! О, как давно — далёк —
 Мне — наконец — весь этот облик смертный!

Когда теперь, — о, наконец! — отпела
 Влюблений томных горькая струя, —
 Лишь с той поры коснулся я предела —
 Действительной истомы бытия...
 Но так назначено: во власти тела
 Перегореть должна — душа твоя. —

Я испытал. Блаженны лишь младенцы
 И — старики. Одни — не знают зла,
 Другие — выгорели в зле до тла. —
 Так! молодости чувственной — хвала, —
 В тот миг, когда — призы надежды женской
 Она восхитит — в лик Жёны Вселенской!

Не упрекни, неведомый — читатель, —
 Схоластикой печаль не назови:
 Скажи, что слово сказано — некстати,
 Что образ — холоден, что я — мечтатель, —
 Но — верь! — я в женской утонул — крови
 И — вырвался из сумрачных объятий.

Не женский вздох, но страстный сон люблю,
 Как нежности безмерной устремлённость, —
 Неутолённость — да! — неутолённость: —
 Да, — в смертности истомную струю —
 Я услышал! Ещё её я пью —
 В утробе матерней, — в утробе сонной!

Так! Матерь Света преклонённо чтить!
 Тебя родившую — любить пристрастно,
 Как образ Божьей Матери — прекрасной!
 К Отцу Небесному восторг стремить!
 Тебя родившего — любить, любить —
 Чтобы Небесному молиться страстно!..

Не помню, чтобы кто-нибудь читать —
 Меня учил. Чуть лепетать я начал, —
 Читал, что ни попалось наудачу.
 Московской крёстной письма стал писать,
 Как будто век писал, — и отправлять
 Спешил их сам — один — в почтовый ящик. —

Меня другому научила мама:
 Став на колени, Богу повторять
 Простые просьбы, — с верой засыпать
 Что всё — исполнится, что мы — недаром
 О счастья молимся, что надо — ждать, —
 И радость райская — для нас настанет...

Года сменялись. Радость — не пришла,
 Всё насущнее — счастье снилось,
 Казалось, всё безжизненное билась
 Пустая кровь — и душу истощила
 До времени. И — страстно умерла
 Молитва, как мечта, — что — не явилась. —

Унылое безверье тусклых дней,
 Как маятник,, — порывы и бессилья..
 Часами мерить вольный мир страстей
 И — стыть на дне безвольнейших уныний!..
 (Слова мертвы — для «тайнства скорбей», —
 Лишь музыка способна — тайну выдать!)

Но верная отрада — в немоте —
 Моим почам (уже давно бессонным!)
 Ни разу не предался я тщете —
 Людского суеверья. — Раздроблённость
 Мирских частиц в кипящей пустоте —
 Я не признал, — душой неутолённой. —

Звала бездонность и тянула вниз, —
 Глаза сомкнув, я не взглянул ни разу —
 В глаза пустыни. Низкий атеизм
 Не соблазнил души — своим соблазном:
 Умов усталых горькая зараза...
 И дни прошли, — и люди пронеслись. —

Я пуст лежал — и назвал пустотой
 Пустое сердце, — и проснал как мёртвый...
 Но — в чаяньи бессмертья! Но — простёртый —
 Не под бездушной поллой синевою:
 Но звёзды — жили ярко надо мной, —
 Когда — я вдруг проснулся в час — четвёртый!

Как раз'яснить? И знаю — и не смею
 Коснуться слов в их бледном серебре...
 Они развеются, — едва успею
 Отдать их блеск играющей заре...
 О, музыка, я отдаюсь, бледнея, —
 Твоей, твоей, неслыханной игре!

Не досягну до выпрених созвучий,
 Паду бесславно — буду волочить
 Словесную и мысленную нить,
 Как цепь, гремящую тоской беззвучной...
 Не выразить, не высказать... О, лучше —
 От гордости отречься — не грустить!

О, Боже слов — звучаний и молчаний,
 Ты, малый дар вручая мне, сказал,
 Чтоб я звучал печалью всех желаний,
 Которыми Ты душу мне связал, —
 Чтоб не молчал! И бьётся в берег вал —
 На утренней заре в ночном тумане...

О, счастливы, кому высокий дар
 Для сладостных внушил Ты упоений,
 Для славы несмолкаемых похвал —
 И нынешних и поздних поколений:
 Тот молод в старости... А я — устал
 Ещё до полдня — устарелый гений.

Но вот скажу — и вот ещё — и снова
 (О бледное беззвучье — правоты!)
 Не лестью одобрения людского,
 Не собственным сознанием высоты, —
 Я дорожу: но только властью слова,
 Лишь властью заклинающей мечты, —

Чтобы сказать! Чтобы отдать, о Боже,
 Томленье слов Твоих — Твоим сердцам...
 Не — без тщеславия, но Ты тревожил,
 Ты искушал мне душу по ночам, —
 Не уменьшая, — умножая — множил
 За валом вал, — к далёким берегам!

Не высказать! Безвольно меркнет слово...
 Не прозвучать! Мне звучность не дана...
 Не описать! Мне кисть не вручена...
 Осмелиться? До счастья? до иного? —
 Бессловного? — в молитве?.. Смущена
 Молитва — счастья чарами земного.

Как мудры были те, что нарекли
 Искусство — гранями, в которых хаос
 Как в сотах сладок — в тесноте земли!
 А мы? Молящиеся — снам в дали, —
 Где облака молчат, — как хрустали?
 Нам путь один, — как призрак, — в Еммаус!..

И верим, и не верим, что воскрес, —
 Глаза поднять боимся — на явленье
 Живой божественности — в воскресеньи;
 И скучен нам весёлый мир чудес,
 Развёрнутый вокруг, — в едином пеньи, --
 Творцу, сокрытому в Своём твореньи.

Ах, счастливы — и дети, и поэты!
 Да внидут, Боже, в Царствие Твоё, —
 Как листья вешние — в сиянье лета,
 Благоухая в прелести расцвета, —
 И плод их — исполнение завета, --
 И плоть легка, и — сладко бытиё.

Настанет Царствие Твоё — как осень,
 Увянувшая в листьях золотых,
 В плодах волшебной красоты — сквозных, —
 В хлебах, поспелых к жатве, наливных...
 Но не отвергни же — и запах сосен, —
 Стволов смолистых — в Славе дней Твоих!

Как иглы сосен, тускло зеленея,
 Неласково целуют воздух Твой, —
 Мои стихи — цветут Тебе, не смея
 Сравниться с окрылённою листвою:
 Она смеётся солнцу, молодея, —
 И, улыбаясь, шепчется с луной.

Не смею выразить... Скажу, не смея —
 Коснуться воздуха, Твой лик любя!
 О, пусть томленью моему поверят, —
 Мне смерть порукой: я узрел Тебя!
 Иль мы живем, чтоб — смертный воздух мерить,
 Иль умираем, чтоб — пугать ребят?

Воскреснем все! Твоим дыханьем свыше,
 По возгласу архангельской трубы,
 Но не полны ещё Твои судьбы, —
 Ещё мы все — и дети, и рабы, —
 Ещё мы, вглядываясь, — смутно слышим,
 Ещё мы тянемся — всё выше, выше; —

А здесь во мгле — на медленной земле —
 Предсознаём — кто мглистей, кто светлей, —
 Иные лики: в истомленьях плоти —
 В томленьях духа — в горестной заботе, —
 Отца, к земле склонённого в работе,
 И Матери, горящей в семье. —

И вы мне — лики Божьи: ты, меня
 Зачавшая — и ты, осеменивший!
 Несознвая — движим волей высшей,
 Святится муж, жену осеменя, —
 Зачавшая — да, славится жена, —
 Во имя — Матери, Христа родившей!

И мне лицо твоё мерцает, мама,
 Увы, — за той недвижною чертой,
 Куда влекусь к тебе ещё живой:
 Мертва икона — теплится лампада —
 Сгорает масло — пред пустой доской..
 Живой-живой!.. Стоишь со мною рядом, —

Диктуешь вновь — как в явные года, —
 Держу перо — как ты держать учила;
 Читаю Шиллера — как ты любила, —
 И навсегда, — как правду — навсегда, —
 Его акафисты мне натвердила, —
 Его восторг вложила мне в уста!

«In einem Tal bei armen Hirten...» сам —
 Молитвенно — я заучил на память:
 «Ein Mädchen schön und wunderbar...» (мечтал я!)
 «Man wusste nicht, woher sie kam...
 Как Дева радуйся! — и первыми стихами
 Ответил — этим именно стихам!

Всё, что душа впервые познавала
 Здесь в этом мире — на твоих устах!..
 Как скучный долг свершая в-строгих днях, —
 Как новость грустную — ты сообщала:
 «Земля — есть шар», — и я скучал, нисколько, —
 Не восхищаясь — шар или не шар...

За то, — вручаясь чарам волхвований,
 Ты нашептала мне по вечерам:
 Шесть дней создання, — как огонь в тумане, —
 И образ Божий на земле — Адам, —
 И Ева, наклонённая к плодам
 Деревьев райских — слаще всех созданий!

Запретный плод... Изгнание из рая —
 И ангел с пламенеющим мечом, —
 И кроткий Авель, и недобрый Каин, —
 И кровь, текущая пред алтарем, —
 И Бог, воззвавший в сумраке дневном, —
 И непокаянность — и ночь скитаний...

Но утешенье — праведным сердцам:
 Аврам! Аврам! — остановись, — не надо, —
 Не надо — жертвы страшной небесам:
 Преданность сердца — Господу отрада, —
 В дни ужаса — по воющим волнам
 Причалит Ной к цветущим берегам;

И радугой морям ответят тучи,
 Исполнит Бог свой солнечный завет:
 Пройдут века — и встанет вождь могучий, —
 И проведёт через пустыни бед —
 В обетованный край — как в райский свет, —
 И в молнийных сверканиях научит...

Всё это, мама, — всё — твоё, твоё:
 Неопалимый куст горит поныне!
 (Что нам внушил, что жизнь и житиё —
 Две разные — несродные стихии?
 Не в глубине ль Господне бытиё —
 В нас разгорается — как сны живые?)

И — ты — доступный мне открыла рай, —
 Ты грёзу в сердце сладко пробудила, —
 Ты знала ли, — что в тайны посвятила, —
 Когда на ёлку, помнишь? — подарила
 Мне — сказки Андерсена: «сам читай!»
 И — я — читал, — читал, как одержимый...

Между тремя заветами — второй!
 Тогда мне таинства еще не снились, —
 Когда виденья добрые явились:
 Дюймовочка — над топкою землёй,
 Русалочка — под тонкою водой, —
 И всех невиданней — Оле-Лук-Ой!

Все комнаты, казалось, стали полны,
 Как в оны годы — душами вещей, —
 Игрушки жили ночью веселей:
 Солдатики в коробочках картонных —
 Дремали днём, чтобы потом бодрей
 Плясать и петь с пастушкой знакомой;

В шкатулочке — воткнутые иголки
 Рядком уселись — тоже не проста,
 Но разговор вели — довольно колкий
 (Не отличаясь от людей нисколько),
 Что — каждая лишь тем и занята,
 Чтобы прослыть — особенной иголкой...

Всё это мир твоих очарований, —
 В свечах зажженных — ёлки золотой:
 Как таинство — свершалось за стеной,
 Где мы до сумерек скучали с няней..
 Вдруг — колокольчик!.. Знаем!.. Как шальной —
 Влетишь, — и вот он — рай моих мечтаний!

А ты — ещё невиннее детей —
 Любишь и нами, и огнями, —
 И хмурый папа — добрыми глазами
 Взглянул на прелесть ёлочных затей, —
 Играющих, сверкающих лучами,
 Каких не знают — звёзды всех ночей.

Всё образы иного — в наших днях, —
 Таинственнейших дней предвосхищенье, —
 Завет нам — радость! Если бы в скорбях —
 В слезах, в трудах — в бессоннейших ночах, —
 Нам не было завещано томленье —
 По радости, нам снящейся в мечтах, —

Распался б мир, стихии б растворились, —
 Сердца, планеты, особи смешались, —
 Чтобы распасться вновь — до пустоты, —
 И вновь смешаться — в мире, как в могиле, —
 И — вновь рассыпаться... Мечты, мечты! —
 Вы, мир держащие — в Господней силе!

Блажен, кто явственный их слышит зов,
 Сквозь слой нетвёрдый дней, летящих мимо,
 Сквозь лепеты вздыхающих часов, —
 Кто их зовёт — во всем неумоимо, —
 И не вздрогнёт — пред шелестом шагов
 Представшей тайны — в час неумолимый!

Но если — мужества не знаешь ты,
 Не если — ты влюблён в земные ткани, —
 Не отрицай во имя пустоты —
 Закон исполненных существований, —
 Где смерть — растаяла в лучах мечты, —
 Не отрицай, дитя моё, заране!

Скорбями испытуются сердца,
 Нас призраки смущают, как предметы, —
 Но мир — не призрачен. Его лица
 Не видя, отрицаешь Ты — Отца;
 Его души — не слыша в бездне света, —
 Ты мыслишь в мирозданьи — мертвеца.

Всё очаровано — и все живое,
 Нет ничего, что бы упало в ночь!
 Всё видимое — думаешь, — пустое?
 Оно — как «ночь в звездах», — всё золотое,
 Всё голубое... Слушай: все — точь в точь, —
 Как там! в раю, — где — мы уже с тобою!

Нет ни одной пылинки, что не снится
 В его достигнутых и страстных снах, —
 Но мы отторгнуты, и нам стремиться —
 До времени, — в тяжёлых пеленах:
 Но лишь взглядишь, — сияние таится...
 Умрёшь, — и тяжесть — обратится в прах!..

И дни — как сны, и вещи — как явленья:
 Настанут сны — и вещи станут явь, —
 Не соблазнись же миром — без томленья,
 И перед страстной правдой — не лукавь:
 Ты знаешь сам — на дне изнеможенья
 Надежда восхищает — достиженья!...

...Пойми и то, что значит — грозный стон,
 Которого гремят сейчас раскаты —
 Над городом, тяжёлым днем об'ятым, —
 Не осуди! Поднялся брат на брата, —
 И каждый рушит — свой отцовский дом,
 И имя матери — опять не свято.

Кто победит — и чья верна победа?
 В — бездольной схватке доля — кто виноват?
 Все — схвачены. Но разум Божий — ведом, —
 Лишь тем, кому — и друг и недруг брат:
 Настанет час, — подымешь кроткий взгляд,
 И вдруг поймёшь, — за кем — бежал ты следом...

Не — в буйстве воля!.. Сейчас — молись, кто — может, —
 Кого молиться научила — мать!
 Не — выучен? Иди страданья множить, —
 И — научись, что значит умирать —
 За всё, что душу темную тревожит, —
 За что — отец учил тебя, — страдать!..

Прости, прости — неведомый читатель, —
 Мой недозвучный — мой беззвучный бред!
 Заслушался, — и звучность я утратил?
 Я влущиваюсь, — и поёт рассвет?..
 Спроси — у музыки, — за ней ответ!
 А я — беспомощен, — я лишь мечтатель...

Верь иль не верь, — упал я на пороге —
Отверженный. Уснул и видел сон, —
О снах, в которых мир заворожён, —
О том, как мамой был я научён —
Всему, что знаю... Что в ночной тревоге —
Удержано — в Еммаус мы идём!..

ПРЕПОЛОВЕНИЕ

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык,
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул — сей язык.

Пушкин.

1

Открою вновь уста мои для пеня..
(Усталости иль страсти предаюсь?)
Что суд людской? Гонений не боюсь!
Я женщина — доступная моленю,
Я послушник — мирского исступленья, —
И нам сродни — отверженные тени

2

Блуждающих безумцев — в тишине
Монастырей и улиц опустелых:
И ты услышишь — чётко, как — на дне, —
Как клятвы одиночества земле —
Шаги, взывающие — к ночи белой, —
И дрогнешь ли — в мгновенном полусне?

3

Неведомый, неведомый читатель!
 Как я зову — как отдаюсь тебе...
 Не доверял я мужеским об'ятыям,
 Ни женской — не вверялся я судьбе, —
 Ни дружеской, ни брачной благодати, —
 И слабый воин был — гражданской рати;

4

Но я хотел, чтоб пламенность моих —
 Зови как знаешь — песен иль мерцаний —
 Жила в глазах и на устах других,
 Чтобы мой вольный и тревожный стих, —
 Был опьянён желанностью твоих
 Неудержимых — сердца содроганий!

5

Пойми, неведомый, — ведь, ночь жива
 Лишь тем, что мир её дыханьем дышит,
 И солнечная знает синева,
 Что вся земля — её сиянье слышит:
 Так, — вслух поют горящие слова —
 И ни одно вниманье не колышат!

Шейми, затем и всыхнул и горюшь,
 Чтоб быть внимаемым — другим гореньем...
 «Поэт — один, читателям — презренье...»
 Какое мёртвое предубежденье!
 Или — гордыня?.. Нет, — не убедишь —
 Словами дряхлого перазуменья!

Бог любит мир и будит в нас мечту —
 Любить другого явною любовью, —
 И — не бросал я семя в пустоту —
 Рукой окоченелой и бескровной, —
 Но предназначенное миру слово —
 Не разрешал в мирскую немоту.

Ах, — не было возвещено мертвец —
 Забвенья унывающих сердец, —
 Что будто: слово произнёсший — лжец, —
 Лишь расторгающий бесцельно звенья:
 Да! слово расторгает цепь колец, —
 Чтобы сомкнуть — в неслыханном сцепленьи!

И, если я когда-нибудь шептал —
 О невозможности сказатья словом,
 И если я — молчал или вздыхал, —
 Я заждался — звучания иного:
 Не отзывал, но — втайне зарыдал, —
 В предчаяньи — недосяганий новых!

И, если немощен я — просиять, —
 Дабы в глазах любовных засияли —
 Мои сияния, но — в ночь упали, —
 Я буду там пытаться и вызывать —
 Напевы той беззвучнейшей печали, —
 Которая — не может не звучать!

Я знаю — музыки властнее власть,
 Чем речи человеческой владенье, —
 Но — та же расторгающая страсть
 И та же — неизбывность расторженья, —
 Лишь на мгновение — не быть!.. упасть, —
 И засиять, сверкая, — в воскресеньи!..

...Сидели долго вместе и грустили,
 И двери заперты и — свет погас, —
 Он вдруг вошёл и прямо стал средь нас, —
 И мы — вскочив, — как дети — возмутились, —
 Не — может быть!.. Не даром тёмен час...
 Иль это призрак — в колебаньях пыли?

И Он сказал: «Не вы ль Меня казнили?
 Ощупайте пронзённое ребро, —
 Вот здесь вы кость едва не преломили...
 Коснитесь испытующей рукой —
 Еще открытых ран!..» И мы — вложили
 Трясущиеся пальцы — в их пробой. —

«Ещё не верите? Идемте к морю —
 Закиньте невод, вам ответит глыбь —
 Обильем рыб!..» И — как рабы, не споря, —
 Бросали невод мы в морскую зыбь
 И — радовались, что — обильем рыб
 Был невод наш — тяжёл и густ, и черен! —

А Он — развёл костер и роздал нам
 И хлеб и рыбу — тёплыми руками, —
 И перед Ним — перед Его глазами,
 Смотревшими — к отверстым небесам, —
 Жевали ужию жадными устами, —
 Боясь поднять глаза — к Его глазам...

И в третий раз — возник Он между нами,
 Как в первый — через запертую дверь, —
 Вошёл и стал и — вновь спросил: «Теперь —
 Вы верите-ль?..» А мы — еще не знали, —
 И не — узнали! — тусклыми сердцами, —
 Как будто — мёртвый! обуял нас — хмель...

И -- с кротостью, и — с жалостью прощенья, —
 Он сел за стол, — и мы — глупцы, глупцы! —
 Смотрели, как он — ел, — до ослепленья!..
 И только тут — упали на колени, —
 Лишь тут признали: разве не горели —
 Сердца у нас — в Еммаусе, — слепцы?

Потом ещё раз — повстречался с нами, —
 В час предразлучный и, томясь, пытал —
 Того, кто час отчаянья -- проспал,
 Кто от Него — едва не убежал:
 «Ты любишь ли меня» — и изнывал, —
 Как солнце — над бесплодными полями.

А тот — ещё пустой и незажженный, —
 Ещё не осиянный с высоты, —
 Твердил — как раб, не любящий, — влюблённый:
 «Люблю, Господь — ужель не знаешь — Ты?»
 И трижды Он пытал — неутолённый, —
 И трижды слышал — лепет глухоты, —

И вновь — простил!.. «Иди за Мной!..» И — дунул, —
 Дыханьем утолённой высоты, —
 Достигнутым желаньем глуботы, —
 Сверканьем Духа — в мертвенные рты, —
 И утонул — в пределах широты
 Кругов небесных и — земного круга...

В час предполуденный — единодушно —
 Мы были в сборе, помня и грустя...
 И вдруг дохнуло, будто шелестя —
 От потолка или от стен слетя, —
 Сквозь вихрь, сквозь звон—взвился огонь воздушный,—
 Как молнии — иль молнийные души...

И — вскрикнули! На — разных языках!..
 И — в ужасе — залепетав, — отпрянув, —
 Хотели смехом свой осилить страх;
 Но — тот, семижды Им прощённый, — званый
 На подвиг страстный, — возгласил: «Не пьяны!...
 Но Свят, Свят, Свят — на наших головах! —

Да славится Сиянье в языках,
 Которыми мы возвестим о чуде, —
 Явление Духа на плотских путях, —
 Его вселение... Познайте, люди,
 Что Он средь нас — и был, — и снова — будет, —
 И с нами — здесь, и — до-века пребудет;

Что мы Его отвержем естество,
 Его — отвергнув — пламенное Слово;
 Воистину бессмертно — вещество, —
 Не воцарится — в воцареньи новом...
 Христос — воскрес! Вселенная готова —
 Преобразить истлеенье — в божество!

Пойдём и проповедуем народам:
 Все за одно — и каждый зван на пир, —
 Не плоть, а дух! не рабство, а свобода!..
 И на бездолье — не покинут мир, —
 И не бесплотный — над землёй кумир,
 И не бесплодная — дымит природа!..»

...Века, — века!... Уже гудит — двадцатый, —
 Почти полвека — отдал я годам. —
 Моих отцов вступил я по следам —
 В век девятнадцатый, как в лес заклятый, —
 Наследник завещанья: все — не свято, —
 Всё — только здесь, — и ничего нет — там. —

Но в том лесу, как тот великий странник, —
 Что рассказал — свое схождение в ад
 И — чрез чистилище — восход в тот сад,
 Куда ввела — жена его желаний, —
 Я повстречал — но в утре дней — в начале
 Унылости, — тебя, мой друг, — мой брат, —

Мой Добролюбов. Да! ты — мой водитель, —
 В кругах тоски. Тебе ли я солгу?
 Года сожгли сухую чепуху, —
 Я не стыжусь признать, что ты — учитель,
 Я — ученик. На тусклом берегу
 Я отдался словам твоих наитий...

Что в слух младенческий шептала мама,
 Чем отроческий ум отец пленил, —
 В передрабассветном сумраке дремало,
 Нс кто-то уж смутил и развратил —
 Огнём недобрым юношеский пыл, —
 Томленьем без конца и без начала. —

Кому молиться и — кому предать
 Порывы духа, смутного как призрак —
 Невоплощённый? Кем же в мир я вызван —
 Или — судьба: не быть, — не достигать?
 И кто назначил — в мире быть, — желать?
 И отчего — так непостижно близок, —

Всем чаяньям, -- тот неподвижный лик,
 Чьё имя мы почти не именуем,
 Чьё приближенье, отвращаясь, чуем:
 Новорождённый ли примчится крик,
 Или согбённый лезет в гроб старик,
 Лкшь о дремоте — наконец тоскуя?

Во всём — во всём — и в силе поцелуя,
 И в тиxости полуоткрытых губ,
 Которые влекут к себе, волнуя
 И — пеня кровь, — лишь смерть — как волхв колдует...
 И смерть и сон! — и смертью сон чарует,
 И жизнь есть сон, — и смертный — слеп и глух,

Так я грустил, отравленный словами —
 И жаркими и, бледными — как бред, —
 Романами Тургенева, — стихами, —
 В которых всех загадочней был Фет, —
 И тёмно-соловьиными садами,
 И звёздными ресницами — над нами...

И — наклоном девственных ресниц
 Манила Лиза, голову склоняя —
 В ряду черниц послушная, немая —
 Для мира горестных и злых зорниц, —
 О сладкая! о, чувственно-живая —
 «Мечта моя!.. Жена моя — святая!..»

Жизнь или сон? Так — гордо, под личиной
 Скучанья в днях и — в длинных вечерах, —
 Хлодности в скептических речах, —
 Едва не в стиль Онегинского сплина, —
 Я грусть мою — в невинности стыдливой, —
 Таил — под гимназическим мундиром...

И вдруг — ты руку протянул, грустя, —
 Кто был невиннее — и кто взрослее? —
 Мне чудилось, что ты ещё дитя,
 И перед опытом моим немеешь, —
 И — слушал я сперва тебя — шутя,
 Не думая, что — ты уж мной владеешь;

И даже — над твоею простотой
 Смеялся и уверенно, и дерзко,
 Восторженность оспаривая резко, —
 Но овладел ты вольною душой —
 Своею волей, — словно не мужской, —
 Как бы притягивая — властью женской.

Я не забуду чёрных глаз твоих,
 Так призрачно и широко открытых, —
 Ресницами, как крыльями — прикрытых, —
 Как на старинных ликах у святых:
 И — тот же очерк лёгких губ, и — в них
 Улыбки отблеск, — только — что забытой...

И не бывало, что твои глаза —
 Не улыбались, детски не сияли, —
 Когда улыбкой губы задрожали,
 Но и тогда, — как в таинстве печали, —
 Они в какие то смотрелись дали, —
 Как будто близилась — росла гроза!

И голос твой — и сдержанный, и звучный
 (Как голос — выразить?.. скажи, — открой!)
 Твоей улыбке трепетно — отзвучный, —
 Не говорил ли — о стране иной, —
 О счастья райском — в горести земной,
 В забвенной прелести мечты — разлучной?

Мою мечту увлёл ты за собой,
 Когда её ты наконец коснулся. —
 Жизнь или сон? за пеленой сквозной —
 Предощущать расторгнутый, — иной
 Явлений ненаглядных лик живой, —
 Нам снящийся. — Очнись! — и я очнулся...

Как от дремоты тонкой открывал
 Глаза расширенные — шире, шире, --
 И вот — мы зрячие — в незримом мире, —
 А — в зримом — каждый облик об'являл, —
 Что он незримое являет в зримом,
 И — с каждым мигом — улетает мимо. —

И слово — миг! как будто — уловимый, —
 Чуть тронувший дыхание — намёк:
 Ты ощутил его — на краткий срок,
 Но он — останется, как знак — хранимый, —
 Чтобы — шепнуть, что вздох — уже далёк, —
 Что — он вздохнул и дышит — недвижимо...

Есть в вечности всему отзвучный звук,
 Но — каждая черта — мгновенно тает, —
 Прикосновеньем несозвучных рук;
 Созвучных страстно-медленно касаясь —
 И тонкий рай — в созвучьях улетает, —
 И музыка — наука из наук!

Улавливай-же музыку во всём,
 И будешь в истине — доступной духу,
 Стремительные простирая руки —
 К пронзительно-замедленному звуку, —
 Или решай: на мёртвую разлуку —
 С поющим Духом, — дух наш осуждён!..

Ты рассуди, что дышит — красота,
 Что слышит — истина, — и знает — грёза,
 И — разгораясь — говорят стрекозы, —
 Заслушалась — над озером берёза, —
 И ласточка — упала в небеса,
 И точит зверь — серебряные слёзы...

«Так, значит, зверь ваш — просто декадент!»
 И фыркнул бравый генерал лукаво,
 И Боклями откормленный, студент
 Поддакнул — в гелос генералу: bravo!
 И дамы — рады, — и сложилась слава...
 И — «по домам!..» «Исчерпан инцидент!»

А — критика?.. — куда была — легка!
 Ах, легче — перышка, — как сыпь на теле:
 Где соберутся два-три пошляка, —
 Сам Аполлон играл им на свирели, —
 И в барабан щелкал, и трелил трели...
 Пляши, поэт, — надсаживай бока!

И шелестил — в газетах — «божий суд», —
 И лепетал, и лопотал — в журналах, —
 И разливался — в сладких будуарах, —
 И целовался спьяну в ресторанах...
 «Глава поэтов — Феофан Иванов!...»
 (Пока — ему в глаза не наплюют...)

Мы Пушкина собаками травили,
 За то ему и бронзовый кумир —
 Против монастыря соорудили;
 Шекспира в гроб так прочно уложили,
 Что и поднесь кряхтит крещёный мир:
 Быть иль — не быть? Шекспир иль — не Шекспир?..

Сейчас не то: и Совнархоз, и Пто, --
 И их же, Боже, имена Ты — веси, --
 Готовы с кем угодно куролесить;
 И футуристы — никого не беша, —
 А, чтобы не обиделся — никто, —
 Всех упихали — в то же — решето. —

Красноармеец в праздник ротозеет —
 На алые и синие кубы,
 Украсившие знатные столбы —
 Дворцов старозаветных и музеев, —
 И — мыслит: то-то — барские затей!..
 Вчерась круглее, — понче — попряме!..

Эх, ты — нечёсанная мать — Рассея!
 Европа мир поставила вверх дном...
 Вперёд, товарищи всех стран, — бойчее!
 Что — пташечки? орлами — ввысь взлетели, —
 Трамваи — в молниях нам свищут трели!..
 И — гол стоит Ерусалимский дом...

И — дельно! телеграфным говорком —
 Протяжность русской речи заменили;
 Стихи — особой фистулой ведём,
 За упокой гнусавя панихиды,
 А то вдруг: «Радуйся!..» — как заорём, —
 Агафисты... увы, — автомобилям!..

Ксрмилица ли в зыбках нас ушибла,
 Или таков весёлый наш черед:
 От дряхлости — веками изобильной, —
 К всеодряхлению — вперёд — вперёд!..
 Назад! назад!.. От этой ночи гиблой,
 От ночи — воробьиной напролёт!..

Под потолком мы паутину ткём,
 Приспособляясь к испареньям склепов, —
 Или буяним — сжато и нелепо, —
 Спросонья врем — о веке золотом..
 И — «Жизнь есть — сон», как думал — Кальдерон, —
 И — «горе от — ума», как — Грибоедов!

Прошло ли нам до мозга омертвенье,
 Или плотней сомкнулись камни тьмы, —
 Как оголтелые, мы числим звенья —
 Тюремных стен, — притомники тюрьмы...
 Взошла луна, — и лунные томленья,
 И лунный свет, — всё выдумал — Тургенев!..

Я знаю — ты меня не обвинишь,
 Мой кроткий, — одинокий — и далёкий, —
 За сухость слёз на улице жестокой:
 Я без тебя забылся одиноко...
 Где ты замолк? В какой дали широкой —
 Во мгле от всех — грустишь иль не грустишь?

Давно погас младенческий твой смех,
 Смеявшийся над взрослостью людскою, —
 Ты иначе свой строгий строй настроил,
 И, может быть, улыбку чтишь за грех...
 О, притяни опять — своей душою, —
 В свою мечту — возьми меня с собою!

Ты бросил нас — ты убежал в леса, —
 Тебя приветили раздольем степи...
 Как — пали с ног твоих людские цепи, —
 Как — ржавчиной покрыла их — роса, —
 Как — сладостно вздохнули небеса, —
 Как — птичий гам — тебя ответно — встретил!

Ты убежал от жалких городов, —
 Паучьих снов и удали бензинной, —
 От нашей славной европейской были:
 Шкапов — битком набитых книжной пылью, —
 От пошляков — всех стран и — всех веков, —
 На волю вольную — заветных снов. —

Бескрайных слов ты услышал призыв,
 Не — наши недомысленные речи, —
 Не — наш в пыли коснеющий язык, —
 Но — птицами скликаемое вече:
 Всех голосов — лесных, степных, речных, —
 Всех ангелов — в разгулах голубых!..

О, благо — дерзости твоей раздольной, —
 И слава — всем зовущим голосам:
 Один ты понял — возглас птицы вольной
 И — вслушался в сиянье ночи сам!..
 Тюрьмы притомники, — вдомёк ли вам —
 Вольнолюбивый дух и — богомольный?

И понял ты — в мирских просторах, — там,
 Где ветер веет утренним лучам, —
 Еще верней, еще неотвратимей, —
 Как мы должны поверить — райским снам, —
 Каким огнистым — мир струится дымом,
 Взлетая — к золотистым небесам!

Ты помнишь, как учился ты влачить —
 В часы и дни, и месяцы — молчаний, —
 Пустынную — унылейшую нить, —
 Влекущую в тот круг, где ты грустить —
 Меня принудил, — властью заклинаний,
 Способных душу с хаосом смешить?

Как я вверялся — сказкам Андерсена,
 Ты — заклинаниям Эдгара По;
 Наделал же ты матери хлопот:
 Ты всё исполнил до — предельной меры, —
 Не — в мысленную бездну — ты поверил, —
 Но душу бросил — в огненный потоп. —

И сонный яд, — землисто-душный опий, —
 Вдыхал и ел и в сумерках, и в днях, —
 И, мнилось, рай открылся в райских снах,
 Но как — душою райской ты исчах, —
 Америке — Востоку — иль Европе —
 Сжигая плоть — на жертву — праху — прах!

За ним другой — мечтательнейший яд,
 Индусов полусонные раденья, —
 Рай в небесах — в земных пределах ад, —
 Яд восхищал в небесные селенья...
 (Кто возвратит тебя земле — назад, —
 Не предрешай — смертельного решенья!)

Ты вызволил свой чувственный восторг, —
 И — как упал на землю, задыхаясь!
 Восторг бывалый на устах замолк, —
 Лишь пенился безогненный поток, —
 Едва мерцал — волшебный призрак рая, —
 А человек — поник и изнемог...

И — вдруг, — не чайки ли мечту пронзили? —
 (Ты помнишь — в оны дни — в Ерусалиме, —
 Единодушно мы с тобой грустили?)
 И вдруг, — как чайки ошалелый крик —
 Над головой! — Огни, огни — схватили, —
 И унесли — безогненный твой миг...

И властен стал ты — властью небывалой,
 Твое молчанье стало — ярче слов,
 Как бы — в воде струился пламень ярый, —
 Открыл уста — колодец застоялый —
 Истёк струями — брызжущих ручьев:
 Исток необычайных голосов!

Осилено чертовское безверье,
 Соблазн всеевропейской суеты:
 Молитвам детства ты — на самом деле
 Доверился, — и свят — отныне ты.
 Зато и назван путь твой — лицемерьем
 На наших рынках — злости и тщёты. —

Иными признан (горше — лицемерья...)
 Благоговейно преклонились — те,
 Кто — запирает перед тобою двери,
 Когда ты, погибая в тесноте —
 Домов и улиц, клялся — лишь мечте, —
 Осмеивая веру и безверье.

Всех проще — те, кто — просто позабыли:
 Что им до преданности снов твоих?
 Твой девственный, твой дерзновенный стих —
 Среди многих книг других — в одной из книг, —
 В библиотечной потонул могиле, —
 И — чьи стихи кого-нибудь — смутили?..

Уют, уют!.. Чтоб чорт его побрал!
 Что новый год, — то новый вздор и — пошлость...
 Сказать глупцам: что человеку тошно —
 От их рецензий лестных и похвал?..
 Да — что? уселась дрянь на свете прочно, —
 И — торжествует на Руси — нахал! —

Блажен, блажен — в пустыню Духом взятый!..
 Закрыв глаза, заткнувши уши, — рот —
 Набив плотнее — ватой, ватой, ватой, —
 Чтобы не крикнуть на прощанье: род —
 Несмысленный и — пошлостью чреватый!..
 И на простор — из городских ворот...

О, благость Божья! Неужели — злоба
 Рукою водит — вражески моей, —
 И не люблю, как Ты велел, — людей, —
 И мне милей — бездумная природа,
 И на земле я не имел — друзей, —
 И эту злобу — пронесу до гроба?

Не буду лгать — я не умел любить,
 И, может быть, — уютных — злей и хуже, —
 Но — как мечтал я зло разворожить, —
 И как его затягивал — все туже!..
 Ох, — разорвать!.. зубами раскусить!..
 Расторгнуть кровь — чтобы исхитить душу!..

Живу себе — как жили и живут,
 Ничем от благодушных не отличен, —
 И также собственный блюду уют,
 И соблюдаю правила приличий..
 Так — как же быть? И для чего ж — обычай
 Людской обычности мне дик и — туп?

Не развязать, знать, бесова узла, —
 Не разорвать!.. О, Боже, — силы, — силы!
 Забыть, забыть!.. Душа ли не властна —
 Зарыть на дно, — сравнять с землёй могильной —
 Царей и царств — постылые дела, —
 Летописанья дряхлого осла?

Не вышлешь Ты меня из городов,
 Не выгонишь скитаться по безлюдьям, —
 Останусь здесь, — молчать — под общим спудом ;
 Умру, как добрый враг среди врагов,
 Лукавый раб — среди остальных рабов, —
 И Ты — меня лукавого — осудишь. —

Пропало всё, что я Тебе писал —
 Как письма другу — из страны изгнания, —
 На родину! откуда Ты послал
 Меня — на подвиг страстный, — покаянья..
 Хлодный вздор?.. и всё — одно мечтанье?..
 Игра словесная? Игра, игра?..

Так вздрагиваешь — пред последним сном,
 Но воздух острый — внутрь тебя втекает
 И — разливается, и умеряет —
 Тот резкий зной, что назван — бытиём..
 Дни суетились — рабски — день за днем, —
 Рабыня ночь — постель мне постилает. —

Ужасно спать — в постели, — как в гробу, —
 Еще живым — меж остальных живущих...
 Валы гудят, — а я и не гребу —
 В моем челне — под свист ветров снующих...
 А Добролюбов — машет из-за тучи, —
 Платком прощальным — там на берегу!..

О, равнодушие ко всему — во всём, —
 Заранее — по гроб окаменелость!
 И солнце — греет ласковым лучём, —
 И звёзды — голубеют за окном, —
 Ах, будь, что будет! — радость ни почём, —
 Лишь было б тело, коли живо, — цело...

Когда всего несноснее — мигрень,
 Зубная боль — всех огорчений хуже, —
 Здоров-ли? рано тянешься в постель,
 А утром — встать не хочется, всё лень, —
 И — как лягушки дрыхнут в тёплой луже, —
 Приятно — длить земную канитель!..

Прости, прости, неведомый читатель, —
 Ничтожеством — печаль не назови!
 Но, если — друг ты мне, то — Бога ради, —
 Не соблазнись, чтоб я себя ценил —
 Превыше прочих! Был и есмь — мечтатель,
 И захлебнулся — в собственной крови...

Ты помнишь; я — безумцев, — в тишине
 Монастырей и улиц опустелых, —
 Шаги, вызывающие к ночи белой, —
 Тебе внушал?.. И вот услышь: на дне
 Как чётко! клятвы — верные земле, —
 Они — в твоём вздохнули — полусне...

Ты — Богу клятву передай — мою!..
 Не о тебе ли, милый, замечтавшись, —
 Неудержимой страстности отдавшись, —
 Один — на уличное дно смотрю, —
 И кажется, — что я — на дне остался,
 Что — ни себя, ни Бога — не люблю...

И — никому на свете — не пою!
И — всё на век, — невозвратно мимо..
О, друг, скорей! Приди — в мечту мою, —
О, я зову тебя, — как одержимый, —
Тсбой.. Клянусь, — что я — тебя люблю!..
Я быть хочу — хочу неуголимо!

ТРИ СПАСА

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

За каплю крови — общую с народом,
Мои вины, о родина, прости!

Некрасов.



1

Воспоминание, умчи меня —
В края любимые, — к надежде милой, —
Где я дышал — ещё невинной — силой, —
Куда мечты меня — ещё манят,
Укачивая тайной бытия, —
Заласкивая счастьем — пред могилой!

2

Тогда сияла — бездна бытия,
Событиями дымчато дразнила, —
И предстоящего я жаждал дня,
Как утомляющей надежды — милой, —
И женственно — жила душа моя,
И собственной мечтой была — хранима...

3

Как нежны деревенские поля,
 Когда из города весною в'едешь —
 В их одурь сонную, — и — щавеля,
 И — кашки, и — ромашки... словно — бредишь, —
 И, кажется, затеяла земля —
 Венчаться завтра — с солнцем, — на рассвете. —

4

И мнится, — всё свершится в этом лете, —
 Всё, что таилось в тайне долгих зим, —
 И — девушка обрадуется встрече
 И, трепетные взоры опустив, —
 Мне скажет — вдруг, что ею я — любим, —
 Давным давно — милее всех на свете...

5

Сгорает воздух блеском золотым,
 Леса вдали в прохладном изумленьи, —
 И — ласточки истаяли в томленьи,
 Целуясь долго с небом голубым, —
 И — облака (мгновенной грусти — дым!..)
 Их обвевают сумраком сквозным.

6

Ещё зеленые хлеба в волненьи —
 Как озера струятся у межи, —
 И — ветерок навстречу им бежит, —
 И — бабочка застенчиво дрожит —
 Над их струящейся и млечной тенью, —
 И жаворонок в воздухе — висит.

7

Ещё — глубоко сладострастье спит,
 Качаясь сладко в зыбках под землёю, —
 Ещё — до синих васильков далёко,
 Ещё — вздыхают ландыши в тени, —
 И — веет в поле сыростью лесною...
 И — девушка, — сегодня — не придёт!..

8

А вот и — лес. — Я был заваян сном —
 Душистой свежестью цветов медвяных, —
 Теперь — нежнейшей прелестью кругом, —
 Смолистых игл и листьев обаяньем;
 Дорога долгая идёт песком, —
 Долгушка сонная ползёт ползком...

Вот и паром — под крошечной горой, —
 И — не опомнишься, — как вниз скатился, —
 И — яркою, широкою рекой —
 Охвачен с двух сторон, — и — бичевой
 Притягивает берег, как — рукой, —
 А тот — несётся вдаль... Теперь уж — близко!

За той — опять игрушечной — горой
 Погост — и церковь, белая, конечно, —
 С зелёным куполом, — как сон живой, —
 Как нежно снящаяся вечность —
 Среди полей и деревень беспечных, —
 Обвеянных заботливой душой —

То — облачной, то — светлой, то — огнистой, —
 Смотри по надобности — по людской...
 Не гневайся, народник записной:
 Опять, в тщете увидясь — городской,
 Мы вдоволь наругаемся с тобой —
 Осколок скромный — грозных нигилистов!

Ты мне родня: не терпишь ты марксистов, —
 А я — что делать? — слабый гражданин, —
 Не выношу душой — фабричных свистов
 И — грохотов, и копотей — машин, —
 И не пойму, на кой — нас — чёрт, — бензин
 И электричество — несут столь быстро?

Нам сельский лад — милей, да и сродней:
 Неспешный трус тележки простодушной —
 Под стать дремоте солнечных лучей,
 Лесов истоме — одури полей...
 Не злись, марксист: особенной — послушна
 Судьбе, — эпическая наша лень!

Под'ехали. Отлогий бережок,
 За речкой — только перейти, — мосток;
 Кудрявый холмик — или бугорок, —
 На холмике — чуть видная избушка, —
 Артёмово! Не — барский уголок,
 А просто — тётушкина деревушка. —

15

И всё — как было, — год — и не прошел, —
 И городские дни — как ни бывали:
 И таже Тунька, подобрав подол,
 На берегу опять бельё стирает, —
 К ней зубоскал Тимошка подошел,
 За юбку дёрнул и — стирать мешает...

16

Вот увидали: барынин племянник...
 Стоят и смотрят; первые не станут —
 По старине да — в пояс, — но — в ответ —
 Тимошка руку дружески протянет,
 А Тунька — взглянет: также ли одет —
 Как — ономнясь? «Ох, тóшненько: в кафтане!..»

17

Тимошка раз'ясняет: «Кончил вот —
 Гимназию! Студентская тужурка...»
 Залаял Гектор, твякнула Амурка, —
 Узнали — лезут, — лижут — прямо в рот, —
 С крыльца мелькает тётушкин капот, —
 И — то же лето, — тот же — прошлый год!

Вот дядюшка — владений здешних царь —
 С замашками дворянственного права,
 Немного желчный — слишком не лукавый, —
 Чтобы гнести рабов своих, как встарь;
 А вот и — завтрак ранний: в сласть и в славу:
 Паштет с груздями — жёлтый как янтарь!

«Садись, племянник! Водку пьёшь, конечно?
 Ну, как не пить? Студенческий — закон!...
 Что? Тётка угощает — молоком?
 Смот-гх-и ка, как толкает-гх-укавом:
 Нельзя мол: в-гх-едно — действует на печень...
 Эх, дамский пол! И мы, как все, — пом-гх-ём!»

Как все и помер! в сласть своё откушав, —
 Еще до нашей бури горевой, —
 И прав, быть может, что жены не слушал, —
 Насытив душу радостью хмельной:
 Отцы твои — свою проспали душу,
 И ты проспал — дворянской чередой. —

За сердце чистое и хлебосольство
 Помянут все, кто знал тебя, добром; —
 Чем плоше был ты тех, кто — ходуном
 Интеллигентским, — в рёве городском
 Снуёт — ревёт: святое недовольство!..
 И — засыпает, — тем же — честным сном?

Ты ласков был и с другом, и с врагом, —
 Лишь во хмелю — досадлив и докучен, —
 С женой ругался, а потом, — размучен,
 Честил себя последним подлецом, —
 И прожили вы вместе — сон за сном,
 Влюблённые друг в дружку — неразлучно.

И ты, ему помощница во всём, —
 И спать вдвоем — и вместе вкусно кушать, —
 Не знала счастья: не было дано
 Тебе — дыханья детского подслушать
 Под сердцем... Только — мёртвым языком
 Болтала ночь и — напрягала уши. —

А дни — кружились в вечных хлопотах, —
 В заботах, будто бы — и не бессвязных, —
 Как будто — новых, с каждым часом — разных...
 (Так, — за бессонницей однообразной
 Нам день сдаётся — никогда не праздным,
 И суета деньская — не пуста).

Вокруг тебя мальчишки и девчѣнки —
 Подростков своевольная семья —
 Роилась юно, весело и звонко, —
 Невоплощённым призраком дразня:
 Так просто, — своего — иметь ребёнка, —
 Всем разрешается, — а мне — нельзя!

Мы разве слышали твои — рыданья, —
 И разве ты — «показывала вид»?
 «Спала не важно, голова болит...
 Не обращайтесь, милые, вниманья...
 Сегодня — дядя был опять сердит, —
 В полях потрава, — просто, наказание!»

Нам всё смешно... Бывало, как шальной —
 Шаггал наш толстый дядюшка по саду, —
 Взад и вперед — дорожкой одной —
 Раз по пятидесяти, по сту — сряду, —
 Потом — в постель, и — слышно, — за стеной —
 Всю ночь тоскует рядышком с женой:

«Пшена об'евшись, сдохли индюшата, —
 На пустошах — уже покос сгноён,
 Паскуда Прошка — каждый год брюхата,
 Тимошка — лодырь, как и в тот — сезон, —
 С кого возьмёшь?... А рожь еще не снята!..
 А — молотьба? А — озима? А — лён?

А — деньги в банк? — Справляйся к именинам!
 Не приглашать? — Попробуй-ка!... удар —
 Для гордости и чести — дворянина:
 Что скажет предводитель — Вязьмитинов?
 А — председатель? да уж черный шар —
 На земских выборах, — как пить дать, кинет...»

А тётушка в ответ — всё «нет, да нет, —
 И Родионов то — подлец известный, —
 Какой он — председатель? не секрет, —
 Что в недород поставил хлеб бесчестно...
 И — что тебе до болтовни уездной?
 Лишь кликни, — и прискачут — на обед!..»

Нет, не — прейдёшь! уж так оно ведется, —
 Нам этой винной были — не избыть, —
 Сосед к соседу по соседски — жмётся:
 С волками жить — по волчьи выть!.. И — пить!
 «Вы — к нам, мы — к вам!..» — Наследства не — делить!..
 А — одинёшенек, — кто не сопьётся? —

И уж умели же — и пить, и — выть!
 Не — пёсьи, и — не кошачьи ухватки —
 Мещанской иль торгашеской повадки:
 Открытый дом, открытый аппетит, —
 Гостеприимный стол всегда накрыт, —
 Чуть напились, и — режут правду-матку!

— Теснить крестьян? не то, чтобы тесним, —
 Нажать нажмём — при помощи поборов, —
 И — вытурим, без — дальних разговоров, —
 Того, кто лезет — с кошельком пустым...
 На заседаниях — всемерно спим...
 Дороги скверны? — ездим в безрессорных! —

Над городом уездным — благодать
 Бездвижная — времен Екатерины;
 В судах — всё та же — взяточная статья;
 Купцов, понятно, — должно — обдирать,
 А половому, — можно — в морду дать, —
 И на чай — все тот же пятъалтынный...

Далёкий сон!... Радищевская Русь
 (Тургенева — блаженнейшие вздохи),
 Кто над тобой ни причитал, ни охал:
 И уж дороги то — из рук вон плохи,
 И по присутствиям — гуляет гусь,
 И все мы — байбаки, да лежебоки?

Что ж? канула помещичья Россия,
 Как камень ко — дну, — больше — не вернёшь!..
 Довольно нас честили и хулили, —
 И — каялись, и — трижды хоронили, —
 И вновь над прахом милым голосили..
 И то — и сё, — и все на свете — ложь!

Пускай, — последыши дворянской братаи,
 Коли она — хоть где-нибудь — жива,
 Ещё зовет себя, зевая, знатю, —
 Её душа — давным давно мертва:
 Над мёртвыми возможны ли — проклятья, —
 Достойны ли и — бранные слова?

Спи мирным сном, дворянский грешный быт, —
 Настолько ж грешный, как и наш, и — всякий!
 Царём ты — грозным был у нас повит,
 Петром — крутым крещён — в кровавом мраке, —
 Но кто ж из прочих — кровью был не сыт:
 Кто не отмечен был — растленья знаком?

Кто не был — раб? кто — братски не теснил?
 И кто был — добр, — и кто — мечтой свободен, —
 И, человеческих исполнен сил, —
 Кто — человечески был благороден?..
 Сын революции, — не будь же злобен,
 Как злобен был — купец иль дворянин!

Да, может быть, — я — жалкий гражданин, —
 Гражданской скорби не знавал, — покаюсь;
 И — не признаю: мне всегда сдавалось, —
 В ней — тень старинной барственной хандры..
 Народной сути резкие начала —
 Глубинней нашей умственной игры!

И я остался в доле городской,
 Её хуля — кляня — и презирая, —
 К земле — неуголимою душой
 В изнеможеньи страстном — приникая..
 Земля, земля!.. люблю — не понимая, —
 Что значишь ты — над нашей суетой!

«Живу среди книг, вдыхаю — пыль глотаю, —
 Вникаю — в отвлеченья и слова...»
 И — яростной мечтой — к земле взываю, —
 И мне вздыхает — неба синева, —
 И солнца тёплого — земле сиянье, —
 Как радость райская и — обещанье...

Народ, народ!.. — Природа! приникаю —
 К тебе... И, если он — твоё лицо, —
 Ему отдамся — как завету рая,
 Завещанному на земле Творцом, —
 Но, если — нет, — бегу... храню свой дом —
 От раз'ярённости — его восстаний!

Мы исказили ясное лицо
 Природы милой — страстный облик Божий, —
 Не позваны на свадьбу — и кольцо
 На городских забыли бездорожьях, —
 И — гулко ищем — и найти не можем...
 И — не венчаться нам — Его венцом? —

Народ — дитя? народ — ещё не вырос?..
 Или — уже растленное дитя?..
 Я из России не творю кумира, —
 Но я не верю, чтобы — так грустя, —
 Как мать Твоя — над нашей синей ширью, —
 Покинул нас Ты — на бездолье — в мире...

О, — никогда!.. Быть не — должно!.. не — будет!..
 Ещё одна — бездольная волна
 Прибудет и — несдержанно убудет, —
 И — будет вновь душа вознесена —
 К Твоим чертогам, — к неизбывным судьбам,
 Где станет вновь — воистину вольна, —

Над запустелостью, над гатью зыбкой!..
 Я верую: свершатся времена, —
 И в золотых — Ты снидешь — семенах:
 Да, станем мы — во век Твоя страна, —
 В Тебя влюблённая — Твоя жена, —
 Твоей — благословенная — улыбкой!..

Воспоминание, куда, куда —
 Умчало ты, в какие прорицанья, —
 Мою печаль — мои недосыганья?
 Ты обещало — сон мой разгадать, —
 О, разгадай! восторг — душе отдай:
 Она — твоим покорна — навеваньям. —

Что деревням безверья-городов?
 Не суетись, народник!.. Суеверья?
 Нет! чаянья — незримейших веков,
 И тишина — бесслышнейших шагов, —
 И ангелов — рассыпанные перья...
 Зри в словарях: народные поверья!

Как и досель — никто из городской —
 Народолюбческой умильной — братья —
 Не различил за городской чертой:
 Не — слепоты, а — точные понятия
 О существе, о полноте мирской?..
 Все просвещали — в гордости собой!

Всех неотвязней и пустей — Толстой,
 Плоды — топтавший буйно — просвещенья, —
 Отвергнувшийся доли городской, —
 Поборник небытийного смиренья, —
 Что он узнал в народном разуменьи?
 Что — не по нём, — все — ложь, да — суеверья!

Мы — под шумок — народствовали все,
 Особенно — когда пора на дачу, —
 Когда природа в девственной красе —
 На миг один и — город озадачит...
 Нет, люди добрые! пришло иначе —
 Решать, чем воля сельская — ясней, —

Кому — верней, — и перед кем — правей?
 Ясна — не только прелестью приволий,
 Раздолий мирных иль своеволий...
 Где и когда — не злобствовала воля? —
 Несытая и сытая утроба
 Чья не алкала, — крови и страстей?

Как быть? не ад — да и не — рай земной, —
 Всё те же грешные людские воли, —
 Но есть иное: мёртвостью сухою, —
 Или обратно: мёртвою водою —
 Не упразднённый, — Лик Земли живой, —
 Не — городам являемый, но — сёлам.

Да! забавлялись в досталь — города —
 Занятыми народными бытами,
 Приметами, исполненными снами,
 Волшебством напоёнными ночами, —
 Как баснями блажными... «Ерунда...»
 «Всему своя, мол, в мире череда!..»

«Не к первобытным же припасть годам, —
 Не в романтические — впасть умилья!..»
 Не припадайте, — не впадайте!.. Сам
 Народ — не примет вашей тусклой были, —
 Но — дети революции, — к мечтам
 Неслыханным — свои подымут крылья!

Чем искони легки были поля,
 Земля рабочая в поту и грёзах, —
 О чём звонили ей колокола,
 А древле молнии вещали в грозах, —
 Одна — Христова истина! Светла, —
 И вольностью, и тайной — весела!..

И — тѣмен был, но — не был глух — тот род,
 Который мы так злобно захулили,
 А — на прощанье, — вздохами почтили;
 Не он, — но крепостной ему — народ, —
 Господствовал над ним — душой, и вот —
 Вселенской правды — от земли вкусили!..

По праздникам ходили все к обедне, —
 И дядюшка, и тѣтушка, и — мы,
 Забыв атеистические бредни,
 Как чад и плесень городской тюрьмы:
 В свечных сияньях — в голосах моленных, —
 Яснили наши детские умы. —

Пред сумрачным иконостасом древним —
 Немудрый попик — не святей других, —
 Как заучённый без вниманья стих —
 Твердил слова премудрых и святых —
 То жалобно-молебно, то хвалебно, —
 И внятен был — напевный их призыв.

Когда же настезь — вдруг — Врата открыв, —
 Над головой взнеся — Дары святыя...
 Не — в золоте свечей, — но там! в иных —
 Лучах! нам мнилось, — мы уже светились
 И — херувимами Отцу молились, —
 Пав на колени — голову склонив!..

Что за беда, — что скорбный Пров Ляксеич —
 (Дьячек и хор, и служка — за одно)
 Тянул и сол, и до — без различенья —
 Что выпелось — хоть Ia, — не всё ль равно?
 (Да и года!..) а при конце обедни —
 Просфирку вынимал нам — «посытнее?»

«После обедни — к батюшке, — откушать...»
 «В дорожку! — и дойдёте веселей!»
 И матушка — еще пряжей и суше,
 И личиком сухим — ещё темней,
 Чем поп Иван (от дюжины ль детей,
 Или от грусти, — в сорок лет — старушка)

С улыбкой — страсти, затаённо робкой, —
 За стол сажает «дорогих гостей», —
 И всё как — дома: малость — попостней,
 И рыжики — как будто солоней,
 Зато листовка — старше и пьяней, —
 И мёда слаще — пирожок с морковкой..

По деревням, — что ни изба — крестины, —
 Все та же Русь, но там — уж пир горой:
 Там, — зелено — вино без мешанины —
 Захлёбывают щами с солониной,
 Да пирогами с просоленной рыбой, —
 Всем, что на праздник скоплено зимой!..

По будням — воздух напоён дремотой,
 В полях двуколок стук — тяжёл и сух, —
 Разит позёмом за версту и — потом, —
 Дремой долит назёмная забота, —
 Но в праздник — воля! ото всех — докуч, —
 Лишь в воле — праздник: в праздник грех работать!

Не по нужде — — идут толпами к «ранней»,
 Принарядясь, обувши сапоги, —
 Кто позажиточней — и припомадясь:
 — Как в церковь не ходить? — не басурмане!
 Как службы не любить? — не дураки!
 Да — разве есть на свете что — желанней? —

Такими ли словами я сказал —
 Земельную и умную святыню?
 Конечно, нет, — не тот — души закал!
 В деревне все мы — точно на чужбине:
 Жипописуя сельский идеал, —
 Не притчу ли творим — о блудном сыне?

Но — ты, читатель мой, — меня поймёшь
 (Неведомый, неведомый далёкий!)
 Славянофильских умилений ложь —
 И мне чужда, как и тебе, — глубоко, —
 Но я грущу — о правде той широкой, —
 Куда — ты, правнук мой! меня зовёшь!..

Утеряна в Российских городах —
 Святыня правды, — сердце заревое:
 Земля убита под булыжным слоем,
 Дух погибает в каменных стенах, —
 Душа, душа!.. сознание всесвятое, —
 В неосквернённых городом, — полях!..

За той чертой — заклётой навсегда —
 Ещё цветут поля и золотятся, —
 В них та же — солнечная череда,
 И так же царственно — они святятся,
 Как в те — благословенные года,
 Которые им, зацветая, — снятся...

Весь мир — как таинство!.. как — разуменье
 Судеб земли: и солнца опаленье,
 И трудовое плоти истомленье, —
 Позём и хлеб, полям кровавый пот, —
 Да уродят они и в новый год —
 Всё — плоти нужное, — на утоленье!

Не рассказать мне вдохновенной сказки —
 Той, что земля — волшебница поёт —
 В ответ душе! Как таинство — весь год, —
 От жаворонков до медвяных сот:
 Но календарь стенной, — солнцеворот —
 Живой: живой, — бессмертный и — прекрасный!

Едва не каждый час — мечтой отмечен,
 И каждый день святыми Богу свят, —
 Явленья воздуха — ясны далече —
 Приметами заранее гласят:
 Недаром — теплятся иконам свечи,
 Колокола не попусту — звонят!

И труд — обряд, — и праздник — что обряд, —
 По праздникам большим — еще обрядней:
 И веселей, и жарче, и нарядней —
 Как солнца — свечи по церквам горят, —
 И — солнечней колокола гудят, —
 И лица девичьи — еще приглядней!

Какой наряд — наряднее, чем бусы, —
 И алых лент — и ситцевых платков? —
 Изысканней — всех заграничных вкусов!..
 И что прекраснее — головок русских
 Средь васильков и зелени лугов, —
 Благообразней — русских мужиков?

И — крестный ход!.. душой быть надо — злобным,
 Чтобы к нему — хоть вчуже — не примкнуть:
 Пред ним — кто смел — с дороги не свернуть, —
 Когда несут Владычицу?.. Вся суть
 Здесь — правды — и вселенской, и — народной..
 Да, — свят проложен миру — сельский путь!..

Среди полей — под благовестный звон,
 Когда с землей печаль — еще роднилась, —
 Пригрезился мне — некий мирный сон:
 Что будто — вся рабочая кручина
 Полей и сел, — вся движется к одной —
 За Спасами тремя — Пречистой Силе;

Что вся страда и — разрешится в них, —
 Как будто в них то, именно, всё дело, —
 Как будто ими было — лето цело:
 «Три Спаса!» — чаючи плодов земных, —
 Твердит, томясь, крестьянин, — как жених,
 Которому невеста — повелела!

Что значит первый? что — второй? и — третий?..
 Что знаменует — колокольный звон?
 Но — стар и млад, — и взрослый люд, и дети, —
 Уверены, — что — совершится сон, —
 Тот, что свершился — и в прошедшем лете:
 Таков, знать, Божий — по земле — закон!

И знают крепко: — в Первый — водосвятье —
 И разрешенье на сотовый мёд;
 Второй — и веселей, и благодатней, —
 Благоуханным яблокам черёд;
 А в Третий — проще, да куда — отрадней, —
 Хлеб яровой — хозяйка испечёт. —

А им вослед — и вечер года ясный,
 Всеисполнение земельных дней:
 Восторг и грусть крестьянских дочерей, —
 Разгул медов и яблочных припасов,
 И пряников малинных... Всех трех Спасов —
 Венец, — Покров! — всех праздников хмельней!..

Не раз'ясню, — как стало, не пойму, —
 Как эту притчу я — себе присвоил, —
 Но каждый год, — милюясь с землёю,
 Мечтой вручаясь страстной сельской доле, —
 Я предавался счастью своему,
 Мне сновшемуся — в городе — зимою. —

Я грезил так: не станется ль со мною
 Всё — как и в сельской трудовой судьбе?
 И я был раб, — мечте, — трудясь душою, —
 И хлеб насущный добывал в алчбе:
 Три Спаса совершатся надо мною, —
 А в осень дней — Покров меня покроет!..

Сбылось иль — нет?.. Но — песнь моя к концу...
 Боюсь, что ты, мой современник кроткий,
 Не в добрый час — меня и свистнешь чётко
 (То есть — газетной отстегаешь плёткой, —
 Какая же другая — нам к лицу?)
 — Не пой, мол, гимнов — всероссийской водке!

Ни крестные ходы не убедят, —
 Известно: все от мала до велика —
 Пьяным пьяны с утра... А чем — поят
 Кормилицы у нас грудных ребят?
 Нашёл — вселенского мерцанье Лика
 В стране рабов — глухой и полудикой! —

Молчу, молчу, достойный современник, —
 Покамест... отняли у нас вино, —
 И — в полудикой и глухой деревне,
 И — в просвещённой доле — городской!..
 Вернуть? — закатимся, товарищ, — в «Вену», —
 Закажем устриц, — выпьем по восьмой, —

Запьем десерт душистой марсалой,
 Шартрёзом кофей загустим зелёным, —
 И чокнемся за то, — чтоб ни в какой
 Деревне — полудикой и глухой, —
 Ни в просвещённой доле — городской, —
 Не смел — сивухи дуть — народ крещёный!

Зарёй, — покинув кабинет отдельный, —
 Развалимся в воздушнейшем авто
 И — понесёмся... Боже, — неужели —
 Не возвратится снова время то, —
 Когда — мы пьяные ползли — к постелям,
 Откачиваясь сельтерской водой?

Да, — знаю, знаю — и сейчас возможно!
 Лишь стоит — тысяч до ста заплатить —
 За склянку спирта, да с водой смешать, —
 А — закусить?.. мороженой картошкой!..
 Фу, замечтался!.. Вот что значит — спирт
 Пить — пополам с водой, — по чайным ложкам...

Прощай, товарищ! Дурью петербургской
 Не залучишь! — «Неисправим, — хоть брось!..»
 Я буду — там: где — чётко дышит утро,
 Где — лоснится под ветерком овёс, —
 Хмелеет — рожь, — а над травой гулкой —
 Взлетают молнии июньских гроз;

Где — обручается с землей волшебной
 Вольнолюбивый деревенский труд;
 Где — водку, может быть, — и реже — пьют...
 Где пламенеет благовест — рассветный, —
 И — в крестный ход струится — вздох заветный:
 «Пречистую, Пречистую несут!..»

ИЛЬИНСКАЯ НОЧЬ

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Я тень зову — я жду Леилы
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Пушкин.

Прошли и стали тени ночи...

Полонский.

1

«Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело — как смутное похмелье;
Но как вино — печаль минувших дней
В моей душе — чем старе, — тем сильнее»...
О мудрость — пред последним новосельем,
Пред новосельем сумрачных теней!

2

Угасло безвозвратное веселье,
И тяжело усталое похмелье, —
Но что пьяней — вина бывалых дней?..
О — да, чем старе — тем сильнее, сильнее, —
От забытья в блаженной колыбели
До забытийного — в гробу забвенья!

3

Еще до смерти — в грусти усыпление, —
 Уныл мой путь — не радует и труд. —
 Часы — идут!.. Бежали — в нетерпении,
 Не думая, когда их заведут, —
 Теперь, завёл иль нет, — всё отстают —
 Чуть тикают, чуть маятник шевелят...

4

Воспоминание, умчи — назад!
 Увы, ты мне не всё пересказало,
 Что память суеверно собирала —
 В своих тяжелых закромах... Твердят,
 Что будто — вырабатывает яд
 Душа — на дне своих очарований. —

5

И Пушкин, ропща горевал: Змея, —
 Змея — горящих в сердце — угрызений!
 Другой — вздыхал: да, — сердце утолят —
 «Остановившиеся ночи тени»...
 Ах, я зову: верни душе назад --
 Мир, улетающий -- в толпу видений!

6

Не разрешённые — вздыхают почти, —
 Мне голос их рыдающий — родней
 (О, нет! не тем, что — радости пророчит!)
 В неуютности — горестных страстей...
 Все кончено. Я на закате дней, —
 Уже отпел — «вечерний блеск огней».

7

Я вглядываюсь в ночь по старине,
 Я вслушиваюсь, сердце напрягая, —
 Спать не ложаюсь, стою и жду, мечтая, —
 Перед постелью тяжкою моей. —
 Ночь, Расскажи сама! Воспоминанья
 Пусть слушают тебя, — как сон во сне!

8

Я к двери подошел — моих вздыханий...
 Чу! тишина... Пойдём! не скрипнет дверь...
 Мечта, мечта! Жена моих желаний, —
 Куда ты поведешь меня теперь?
 Как страшно — вновь вдвоём! Луны дыханье
 Я так любил! о наконец — поверь!

Скажи сама, тебя ль я не желал?
 Какой другой красавицей пленялся?
 Ты — убегала! Лишь — воздушный вал,
 Который для чего то расплескался —
 И с морем снова навсегда смешался,
 Но отзвук — долго в скалах не смолкал...

Ах, ты жива! ах, ты ещё жива!..
 Переживёшь ли ты мой смертный облик?
 Что мне грозит? глухая скорбь ли — гроб ли?
 О, страшно быть, когда душа мертва!
 Ты дышишь! ты светла... но вздох мой робкий —
 Ещё летит к тебе — едва, едва!

И ты не слышишь чёткие слова:
 Они безбрежною распались пеной —
 На берегу, где плачет облик бледный, —
 Пловучие по ветру — острова...
 Моря (ты знаешь?) вяжут кружева
 И — распускают, — там — в дали мгновенной!

И хлещут — волны на берег слова, —
 И разливаются в пространстве пеной...
 Ещё рассказывают: трын-трава
 Растёт — цветёт в степях каких то белых...
 Ещё есть образ: будто голова —
 Горит, а сердце плачет — пред изменой...

Пойдём, пойдём — в Артёмовский наш сад,
 Найдём — давно истлевшую беседку!
 Мы видимся с тобой сейчас так редко,
 А тени лунные ещё горят, —
 Как и тогда — как в то, — ты помнишь? — лето,
 Когда мы радовались, что лучи манят.

Ведь ты и есть та девушка рассвета, —
 Земля в росе... Ах, разве в серебре
 Росы — не ты была на бал одета, —
 Земля моя, невеста? — о, ярчей —
 Всех, что играли — солнечных лучей, —
 Когда ты улыбнулась мне — в то лето!

Платком зелёным кто тебя накрыл,
 Кто золото волос твоих рассыпал?
 Не выдержу мерцаний золотых!..
 А помнишь? как в ночи дышали липы,
 Когда я нашептал тебе молитвы, —
 Как блеск зари — любить меня учил!

Всему своя — певучая чреда,
 (Как и отцы, и матери — грустили)
 Гадай о счастье, трепетно гадай,
 Пока не рухнет влажный сгусток пыли —
 В приуготовленной всему могиле...
 А ты умчишься, лёгкая, куда?

Сейчас — желай! среди полей вздыхай!
 Погост — на миг цветами луг заросший, —
 Живя, гостишь! к земле приехал в гости:
 И ублажит — и приютит в постель...
 Вот соловей — запел в вечерней роще, —
 Esti-ли einai или panta rei?..

Сегодня вновь, — в объятиях ветвей —
 Мы встретимся — на старенькой скамейке;
 Ты мне сказала — полусловом — мельком,
 Что ты придёшь... Точнее всех речей —
 Условленных... И я уж жду. Скорей —
 К моим рукам, устам — к душе моей!

Ты вся была в огне ночных лучей,
 Змеёю жаркой в косу заплетённыхъ —
 Твоих волос — особенных — червонных, —
 Под солнцем — в золоте его огней —
 Рассыпанных по белизне плечей —
 Лучами лунными — в игре теней!

И были как вода — твои глаза,
 Как волн бледно-зелёное мерцанье, —
 О, никогда ни разу не гадал
 Я по глазам — с таким недосыганьем,
 Не разгадал! не мне — ты просияла, —
 Ночей склонённых — лунная гроза!

И сколько девушек — дотоль я знал,
 И скольких глаз — я ведал обаянье,
 И сколько девушек — потом желал —
 И в их глаза входил моим желаньем, —
 О, я в одних — твоих глазах — узнал:
 И вольный рай, и райское изгнанье!

Заворожённые — в ночах встречались:
 Ты — властью не моей — увлечена, —
 Я — лишь твоей — молился, восторгаясь;
 В реке струилась яркая волна,
 Струям воды горючей отдаваясь...
 Я был — один и ты была — одна.

Я целовал — во сне! твои колени,
 Я приникал к устам твоим — во сне!
 Мне мнился сон: лучи твои светлели,
 Как волосы в небесной вышине, —
 Я лепетал о явных наслажденьях —
 О тайнах — там! рассыпанных — лучей!

И — ночь за ночью — ты, раскинув пряди
 Своих лучей, — лежала предо мной
 И в душу лунную — влеклась душой, —
 И всю мечту мою — взяла с собой, —
 И с той поры — живу я над землёй —
 Как разлучённый! над землёй — мечтатель...

И не умел я с той поры прилечь
 К ничьей груди, к ничьим сосцам молочным;
 Ты увлекла меня в тот круг порочный,
 Куда я сам молил меня — увлечь, —
 Ах, разве мог я душу уберечь?..
 Я поклялся сиянием — полночным!

И ты — безвластная мне отдалась,
 Не лунным — предаваясь обаяньям, —
 И связь твоя с луною — порвалась;
 Но ты вступила в круг — дневных блужданий, —
 И холоден был свадебный твой час —
 В исходе августа — на увяданьи.

Хрустальные — стояли, правда, дни,
 И вечера играли — лучезарно,
 (Как Тютчев соблазнял и — соблазнил, —
 О, демон юности моей опальной!)
 Но лучезарней и — ещё янтарней —
 Утра — почти в безлиственной тени!

И яблоками душен был наш сад,
 И — опадающей листвы шептаньем...
 Да! я впивал — неутолимый яд:
 Свиданий, разлучающих — желанья, —
 Разлук, неутоляющих — свиданья, —
 И душу связывал — разлучной тайной!..

Года неразрешаемых страстей,
 Дни одиночества в рабочих бденьях, —
 Ночей томленья — на одной постели, —
 Считаю же! Триста шестьдесят пять дней —
 Ночей, ночей!.. О, Господи, моей —
 Усталости! Неделя — за неделей!..

В круженьи дней — была женой моей,
 Домашним снам — ни в чем не изменила,
 В ночах — мерцающая золотом лучей, —
 Тех лунных — разлучающих — ночей, —
 В которых ты меня не полюбила
 И — стала матерью моих детей...

Я расставался с юностью моей —
 Тобой восторгнутый — с тобой венчаясь:
 С неудержимостью прощаясь дней, —
 Безудержностью чувственных ночей, —
 С ненасытимой жадностью страстей, —
 К тебе одной — бесчувственно — склоняясь.

Всё побледнело — под твоей луной, —
 Я чуял — кровь неслась к твоим мерцаньям, —
 Твоих волос — неявленным сияньям, —
 И стала ты — единственной — мечтой
 Мсих — ненасытимейших — желаний, —
 Моих желаний — и моих рыданий!

Всё утонуло — в сумрачной крови
 Каких-то — золотистых вождедений,
 Как будто — лунные бродили тени...
 Я — страстность скрытную твою любил,
 Которую таила ты — в тени, —
 Удержанной и — утаённой неги, —

Которую, — кому ты — берегла?
 Кому, — ещё ни разу — не открылась?
 Какая, — лунная — таилась мгла,
 Какая, — ночь — не сумрачно жила?
 Но — та, — что выкликает и могилы, —
 Чтобы — воскреснуть, — выгорев — до тла!

Кому, — кому — ты негу отдала?
 Ах! я рыдал: тебе — в тених погибнуть;
 Я испытал, — что не во мне — ты вспыхнешь, —
 Но я — мечтал, как бешенный, — забывшись
 У ног твоих, припав к твоим рукам, —
 Чтобы — другой упал к твоим губам!..

Чтобы и ты — бессильно задрожала,
 Чтобы, разлив свой чувственный огонь,
 Луна не — вешним обликом дышала, —
 Чтобы луна — июльская — сверкала!..
 Ты слышала — как сдерживал я вой, —
 Звериный вой, — когда ты — отдавалась?

О, я боюсь! я снова, как хмельной, —
 Пред Знаменьем — перед твоей иконой —
 Начну рыдать и — биться головой
 В холодный пол, — и пьяный, и смешной —
 Своею... чем, — скажи? — над чем — порой,
 Смеялась, — чувственной тебе — душой!..

Я не коснусь твоих — предубеждений
 Против всего, что было мне — мечтой, —
 Твоих не трону грустных — заблуждений ;
 О, я не вызову — несчастной тени
 Того, кто — целовал твои колени..
 Я буду — плакать долго над тобой!

Я буду плакать — до твоей могилы
 И — за твоей могильною чертой, —
 Я буду — там — тебя жалеть, как — ныне, —
 И, если раньше я умру, — с собой
 Я унесу печаль моих — бессилий
 И твой — несбывшийся! — июльский — сон! —

Но я упал — в бессильнейших бессильях, —
 Но я давно несознанно живу —
 В бессонницах и — снах, что на яву
 Мне снились — в дни таинственных уныний,
 Когда я мальчиком мечтал — невинным, —
 И — грешен стал, — и те же сны — зову!

Я полюбил тебя, как райский сон:
 Мне — снился рай, и рай мне не — явился, —
 Он только издали — в лучах томился;
 Я сном сражён — я сном заморожён, —
 И перед сном — навеки преклонился,
 И брошен был — тщете на произвол. —

Ах! я не мог жить — сжатой пустотой
 Людской тщеты, — доуки человечьей, —
 Поверь, поверь! — мне снилась — только вечность, —
 Да! только образ вечности — живой, —
 Весь чувственный, — и — с девственной душой —
 И — с кровью алой, и — в истоме млечной!

И, — головой биясь перед иконой, —
 Молясь за душу бедную твою,
 Я изнывал — истаянный, влюблённый, —
 Как будто счастье бросил — в том раю, —
 В час памятный — изгнанья! — и как сонный, —
 Луной смущённый! — лепетал: люблю...

И верен был — все той же власти страстной,
 Которую — в тебе я потерял, —
 И как искал — везде — во всех — напрасно!
 Но я — искал! — я быть не мог — безвластным:
 За сумраком настанет — вечер ал, —
 Коли отказано мне — в дне прекрасном!

И — вечера сменялись вечерами,
 И — ночи бледные неслись во след,
 Зелеными сияя небесами, —
 И — медлил их необычайный свет, —
 Над городом — бесцветными домами —
 Над каменной Невой и — площадями. —

И — сколько раз, — вздыхал я над полями
 Раздолий вольных — русских деревень;
 Меж тесных дач — над тихими цветами;
 И — сколько раз — над сколькими песками, —
 И ласковых, и пасмурных морей, —
 В лесах Финляндии — над озерами!

И — сколько раз, — утра — благоухали,
 И — солнца, — красный обнажали шар,
 И — дымно полдни в облаках, — сгорали, —
 И — вечера, — струили свой пожар,
 Под тучами порывисто вздыхая —
 И лоно вод лучами — обнимая;

И — тьма была, — и — выси голубели,
 И — ночи, — звёздную роняли кровь;
 Твоя луна — как в девственной постели —
 Спала под тучами и — гасла вновь, —
 И ей была созвучна лишь любовь —
 Твоя! — и звёзды перед ней — светлели...

И — было так: смотрел я в звёзды долго,
 И в голубых — забылся я лучах;
 Я слышал высь — до крайнего восторга, —
 До одиночества — на всех путях, —
 И — вдруг я вспомнил: тех очей тревогу —
 Я в чьих то девичьих, — встречал очах. —

И мне — они — почудилось, — глядели
 И в нутрь мою — и в мой погибший рай;
 Они во мне, мечтая, голубели, —
 И — девушка сказала мне: отдай —
 Мои желанья!.. И — в исступленьи —
 Я, к ней припав, — на звёзды загадал!..

Я рассказал в другой — ночной — поэме,
 Как я — и звёздный сон мой потерял, —
 На берегу морском, и как я звал
 Его назад — из тёмных колыбелей, —
 Костры сжигал и — берег обнимал
 И — в волны отплыл, — и блуждал — смертельно;

Как мой корабль — в лицо зари пылал,
 Как я в зарю — поверил и влюбился, —
 И парус — призрачно в огне светился..
 И я — забыл: закат ли — отгорал,
 Или — в час утренний! был — вечер ал, —
 И — очарованный — в волнах носился, —

И все восторженной — куда стремился, —
 И душу сонную топил — в волнах?
 Вокруг ли огненной земли — кружился?..
 Меня манил — огонь на высотах, —
 И я не знал, — что значит — бледный страх, —
 И всем звёздам — бесчувственно — молился;

И лунною мечтою позабылся —
 И волю вольную — уже вкушал..
 О, — если бы тогда я — возвратился, —
 К порогу покаянному припал!..
 Но — с золотой луной я распростился, —
 И душу бросил — в тот, — девятый — вал!..

И стало вдруг: всё пусто — и давно, —
 Как будто я — на свет и не родился, —
 Как будто страстным миром — не пленился
 И в лунный блеск — ни разу не влюбился, —
 И стало всё, — и грустно, и смешно..
 О, странник, странник! — возвратись, — домой!..

И, к берегу пристав, — пал на крыльцо, —
 И ждал.. Прощенья! за блужданья крови —
 В звездах, в огнях, — в лучах, — во вздохах — моря, —
 Глупец! под брачным — безлюбовным — кровом, —
 И — в тёмное я заглянул, — лицо..
 Да, — я был жалким и смешным — отцом!

Так, — всё прошло... Был — недостойным сыном
 И — мужем — также недостойным, — стал;
 Как света лунного — недостижимо, —
 Безчувственно жены своей желал, —
 И умираю — ею не любимый, —
 И слабодушным был я — гражданином!

России — как любовницы — алкал, —
 И, солнечной мечтой воспламенённый,
 В её полях возлюбленных вздыхал, —
 Любил её и звоны, и иконы, —
 И верно, снов её не разгадал,
 Как блудный сын — и странник незнакомый...

Зачем же падал — в лунную мечту,
 Зачем же в круг вступал её — порочный, —
 И — в синюю влюблялся высоту, —
 И — в звёзды девичьи смотрел, — как в очи?
 Зачем — в морях измерил глубину —
 Неисследимую, — вселенской ночи?

Что ж делать? так, знать, было — решено:
 Отец был — немец, — мат из немок — тоже, —
 На немке и — женился, — и негоже —
 Лезть на-стены, на русские!.. Смешно?..
 Есть и ещё — мораль в сей басне сложной:
 Жены своей не называй — луной!

Смеюсь и я.. потом — грущу безбожно, —
 Потом — молюсь в бессоннице пустой..
 О, мальчик мой! пойми мой сон — не ложный, —
 И не посмейся — над моей судьбой, —
 И если молишься ты, — да — поможет
 Тебе — Пречистая: будь — чист душой!..

И — дни идут, и — тикают часы, —
 И ждут, когда их заведут исправно, —
 И — дни бегут так сумрачно и — явно,
 И — ночь за ночью никнет... И — забавно, —
 Порою думать, как я прожил: пьяный —
 Одним дыханьем, — чувственной — мечты!

О, ты, склонись ко мне, — моя печаль, —
 Надежда — подошедшая в пустыне;
 Не плачь, что — лунная взманила даль,
 Не зарыдай — перед моей могилой!..
 Твоей любви — твоей заботы милой —
 И молодости, — мне — безгрешно — жаль!

О, не грусти! я знаю ты со мной,
 И ты меня — вовеки — не покинешь, —
 Ты — над колодцем ласково постои —
 Как тонкий воздух, дующийся в пустыне, —
 Надежда — за вечернею зарёй:
 Не розовой — не алой, — светло-синей!..

Не плачь! с тобою мне легко — грустить,
 Ведь ты светла — мечтою неповинной, —
 Я сам хотел — тебя с собой сдвоить,
 Чтобы — безвольнее тянулась нить, —
 Перед не дальнею моей — кончиной..
 О, тихая, — водою — напои!

Любимый призрак... странник искони —
 Воды алкает сладостно напиться, —
 Или — в укромной пальмовой тени —
 Хоть кратким сном, — под вечер — освежиться:
 Ты знаешь — мне заказаны пути, —
 И в дом родной — нельзя мне, — возвратиться!

Мне — некуда из рук твоих уйти,
 Сестра души — любовь моей печали!
 В монастыре-ль — сойдутся те пути,
 Которые мне ноги изнуряли?..
 Но мне — и до ворот, — не добрести,
 Да — и молитвы грешные, — упали. —

Не разрешу судьбы своей никак, —
 О, если бы хоть — звуки потрясали!
 О, помоги, чтобы они — вздыхали, —
 Чтобы они — рыдать не перестали, —
 В тот лунный — невозвратно лунный — мрак, —
 Чтобы в ночах моих — не отзывали!..

Ах!.. если бы: тебя я повстречал —
 Среди полей, — в те годы, — в те столетья...
 (Мне чудится, — среди них уж я бывал, —
 Что я живу — давным-давно на свете, —
 Любил я — Лизы кроткий «идеал», —
 В тёмно-серебряном моём рассвете!)

Ах! я души твоей бы — пожелал,
 Среди послушниц тебя бы я — приветил, —
 Из под опущенных ресниц — заметил —
 И молодецким пбсвистом — ответил, —
 И ключ к дверям бы крепким — подобрал, —
 И на лихом коне — умчал бы, — в степи!..

Или, — один из городских парней,
 Кому с измальства дома не сиделось, —
 Приехав на побывку, — на селе —
 Видал как ты проходишь — всех грустнее,
 А жнешь — спорее, — и уж как — зарделась,
 Когда он к жниве подошёл — твоей!

И все забыл — соблазны городские,
 Как навожденья вражды позабыл, —
 В глаза глядел любимые, родные —
 Да любовался взором голубиным...
 А на Покров бы нас и — поженили, —
 И — уж любил бы я тебя, — любил!..

Расстанусь ли с тобою? Никогда!
 Но — как грущу, что ты — и молода,
 И радостной ещё вздыхаешь силой, —
 А я — молчу, я стар, — и никуда —
 Не кинусь, чтобы — лик земли таимый
 Мне душу старую — околдовал!

Не свергнутся — тяжёлые года, —
 Не свалишь с плеч — постылого бессилья, —
 Безумец! полуночник! — над могилой, —
 Лишь в старческой истоме — навсегда, —
 Я — тень зову!.. Я жду моей — Леилы!..
 Жена — моя!.. Луна!.. сюда, — сюда!..

И — тикают, и — тикают, — в пустой
 Бессоннице, — часы мои... — Но — если?..
 Быть иль — не быть?.. Не быть?.. Ещё безвестней, —
 В бесчувственный — низринуться — покой:
 Самоубийство?.. Собственной рукой —
 Себя расторгнуть, — низвергаясь к бездне?..

Да, — есть различье между городской
 Усталостью и сельскою истомой:
 Мы в городе опоены луной,
 Она горит — над нашей головой, —
 А там — в полях — и в полудённый зной
 Ложатся спать, — пред новою — страдой.

Кудесница над городом — луна, —
 Железо крыш — томит тревогой брачной, —
 Выманивая призраки со дна,
 Как с каменных подполий, — и дома —
 Сердца, одымленные в мгле прозрачной, —
 Как примрачная сеть, — как — смерть сама!

И пусть не ведает луны — Тюрьма,
 Пусть паучьё — и дремлет сном паучьим, —
 В тревоге медленной стоит луна —
 И кружит призраки вокруг как тучи, —
 И лунная владеет нами мгла, —
 И дни клубятся — как клубок пловучий;

Я говорю — есть образ: голова
 Горит и — сердце плачет... Ты — отзвучный
 Мне лепет мой — прости! Едва — едва
 К тебе взлетает — вздох мой... Словно тучи,
 Кружась вокруг луны, поют слова, —
 Чуть слышные — как вопль! — как вздох певучий...

Я вычерпать хотел свою печаль
 Вином насытить душу — старым, старым —
 В подвалах многодавних — застоялым, —
 Но — если образы я вдруг! — смешал, —
 Но если я — пустыню рассказал, —
 Ты мне прости — мой лепет полупьяный!..

И — смех, и — грусть! и — скажешь — всё не так,
 И ты не — в лунном родилась сияньи, —
 Но — задрожала — в солнечных лучах,
 И упилась — цветов благоуханьем...
 Тогда — решай: что мне, — в моё рыданье, —
 В пустую душу — дхнул, зевая, — мрак!..

Не опрокинуться — дозволю мне! в бездну,
 Дозволь — хоть издали — тебя любить! —
 Над городом пусть светит — месяц медный, —
 Скажи — луне: — над сердцем ворожить:
 Я буду ждать — смешно и бесполезно!
 Что ты — придешь ко мне, — меня просить...

Что не осудишь — мой побег ужасный,
 Мой — невозможный и греховный дом, —
 И — вдруг решишь! что ты — в дали прекрасной —
 Мне только — снилась! — снилась день за днем...
 Что — я в ночах, — над мёртвым очагом, —
 Стоял и раздувал, — огонь — напрасный!..

Не говори; что я — другой рукой
 Ласкаемый, — живу, свистя на воле;
 Остановись, — пред долгой тишиной —
 Лампады поздней, — пред твоей иконой, —
 О, — не шути! — ужели так смешно —
 Взывает в полночь — возглас колокольный?

Как пред бедою — замертво бреду
 К — тобою брошенной давно — постели, —
 И — ты жива со мною в том бреду...
 И — ты лежишь передо мной в саду, —
 Раскинувшись, — росы ночной — белее, —
 Вся в золоте лучей, — луны — хмельнее!

Такой тебя с собой и унесу —
 И о тебе — там! расскажу Алёше, —
 Где он хранит земли твоей красу —
 И на тебя, и на меня — похожий, —
 На ангела! — в луче луны — росу
 Июльских трав — несущий осторожно!..

И — ты, мой мальчик! ты — кому роднее
 Я имя счастья выдумать не мог, —
 Ты юноша — в распутии всех дорог —
 Шумишь разгулом всех мирских тревог,
 Завещанных для юношеской неги, —
 Мой милый!.. мой живой!.. мой сын!.. мой Женя!

Храни нежнее — маму: на людских —
 И горестных, и радостных дорогах, —
 Не забывай о глазках голубых —
 О волосах — до счастья золотых, —
 Алёшиных! — сияющих пред Богом —
 Пред ликами счастливыми святых!

Да будет он — хранитель снов твоих, —
 Как сон — неразрешаемо прекрасный —
 На площадях, на улицах земных:
 В нем две души — свились, — о, так согласно,
 Так неразлучно! — как причастный стих, —
 Осанна — там! — в свиданьях голубых!

О. — если — недостойн я — его, —
Ты — будь его действительно достоин, —
Да вспыхнет — сердце чистое твое —
Зарёю алою, — пред страстной кровью!..
Храни же — маму! Пред её любовью —
Клянись: России — жертвовать собою!

Ты — дедушкину не забудь, — мечту:
И землю чти — и ей служи пристрасно,
Не зарывая счастья в суету, —
Но — волен волей — к ближнему участлив, —
Как солнце льёт сиянье — в высоту, —
И миру дышит — свыше — не напрасно!..

ЗНАМЕНИЕ

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Хоть на время — на миг полюбя, —
Подари эту розу поэту.

Фет.

Есть в напевах твоих сокровенных —
Роковая о гибели весть

Блок.

1

Пора, — пора... Семь — таинств, семь — грехов, —
 Или семь — песен, — выбирай, что хочешь!..
 Ещё душа — и плещет, и пророчит —
 В мерцаниях, в блужданиях стихов, —
 Уже «на берег радостный выносит —
 Мою ладью» — о, Нежность! Твой — Покров...

2

«Безумных лет угасшее веселье».
 Ещё томит «как смутное похмелье» —
 И — «как вино, печаль» — бывалых дней, —
 В душе — «чем старе», тем — пьяней, пьяней!..
 По отстоялось, Боже, умиление —
 На дне, на дне, — испытанных страстей...

3

Я дома, дома! Ни тоски морей, —
 Ни ярых звёзд, ни зорь, томивших тело, —
 И в золоте лучей луна — отпела...
 Там — за вокзалами — печаль полей...
 Где я? Куда бежал? — каких путей?
 И чья забота — сердце мне пригрела?

4

Я одинок, я одинок теперь —
 И грусти нет — нигде, ни в чём — предела, —
 Но я вздохну до завтра — мне велела —
 Мечта: сегодня — раньше лечь в постель?
 И вот — тихонько отворилась дверь, —
 Пришла и — рядом на диване села...

5

«Пришла и села. Счастлив и тревожен —
 Ласкательный твой повторяю стих...»
 Ты — образ добрый! облик тайны Божьей,
 Я осенён — сияньем рук твоих, —
 Мне снилась грусть — в далёких бездорожьях, —
 На площадях, на улицах — людских...

6

Но я шептал «ласкательный твой стих»,
 Я шёл с тобой — и «счастлив, и тревожен», —
 Коснись меня — сияньем рук твоих, —
 Я нёс мой дар — в пустынных бездорожьях, —
 «И, если дар мой пред тобой ничтожен, —
 То ревностью — не ниже я других...»

7

«Заботливо храня твою свободу,
 Непосвящённых я к тебе не звал,
 И рабскому их буйству я в угоду —
 Твоих речей» — тщетой! — «не осквернял...»
 Но я мечтал: свободному народу —
 Да будет внятен — мой свободный дар!

8

Я повторял: «Заветная святыня —
 На облаке», — но — зримая — «земле!
 В венце из звёзд — нетленная богиня —
 С улыбкою» (печали!) «на челе...»
 (Я помню, помню: жёг костры в пустынях, —
 И все слова — смешались, — в их золе!)

9

Я пел стихи, — когда я в тучах плавал,
 Я пел стихи, — когда звездилась высь, —
 Я пел стихи, — когда, принав, лукавый —
 Холодный дух толкал меня: Низвергнись!..
 Я — пил стихи, как сонную отраву, —
 И все стихи — в одно вино слились. —

10

И — море пенное — седой певец —
 Меня баюкало, свистя и зыбля, —
 Стихи наигрывая вслух — седые;
 На берегу — я заклинал лишь ими;
 Я в них искал заветное мне имя, —
 И — пьяный ими, — шёл я под венец.

11

Стихами мир, мне мнилось, — был колыблем:
 Играл ли луч, — роился ль воздух бледный,
 Переливая тонкие струи..
 Я помню: было — над скалистой Эльбой, —
 В воде забылся — первый стих, — и гневно —
 Второй взыграл, — меж каменных стихий! —

В Финляндии — зелёными — молчали —
 Мелчаньями, — лесные озера,
 Стволы усталые — чуть отражая, —
 Но зори белые — их понимали, —
 И — улетали звонкие ветра —
 За горные вершины, — до утра...

Но — отчего же: — в час моей печали, —
 Моей особенной! ночной любви —
 В Артемово — когда луна, играя, —
 Сверкала над медвяными лугами —
 Над синими, над синими струями, —
 И над окном, где я её молил —

Меня любить, — играть в моей постели, —
 Как в том саду, где яблони белели,
 Где яблоки, благоухая, зрели —
 И наливались солнечной водой, —
 Мои стихи не млели, не алели, —
 Как звон свирели — канул под землёй?..

Под Петербургской дождевой метелью, —
 Под гул и хохоты всех адских сил, —
 Когда ты плакала — в моей постели,
 А я по комнате — ходил, ходил, —
 Я так решил: я безобразной тени
 Ничтожества, — восторг мой — посвятил!..

Толпились дни — в беспамятстве и лени,
 Влачились дни — позором и стыдом, —
 По улицам — по утренним панелям, —
 Над письменным, над письменным столом!..
 Там — где то тройка мчится, — в отдаленье, —
 А колокольчик — бьется под дугой..

Там кто-то ноет — и в истоме пляшет,
 Заламывая руки над собой, —
 Над головой — с распущенной косой, —
 Платочком синеньким вальжно машет..
 Паяц дурак стоит — вниз головой —
 Ногами вверх, — торжественный и важный. —

Всё — так и было... Как, — какой судьбой, —
 И — в чьих мечтах? но — что-то в этом роде:
 И — колокольчик бился под дугой, —
 И — плакала плясунья над собой —
 И тешилась при всём честном народе, —
 И — рядом с ней — дурак, — вниз головой...

И я молчал. — Безудержно. — Ни слова —
 Ни четверть слова, — с губ не сорвалось.
 Как труп — как гроб. Копыто под подковой. —
 Как камень — мохом и травой порос, —
 Но — как завейное вьюгой поле, —
 Молчал и — бредил, — семенем и кровью. —

Что ж? озаренье что ли пронеслось?
 Или, гадая скорбно на авось, —
 И — дождался звящего смятенья?..
 О — только воли! воли — к восхождению!..
 Аль — девичьих очей прикосновенья?..
 Ах, скольких губ — губам напечатленья!

Лежал один — на той же всё постели,
 Стоял один — над тем же очагом, —
 И в крайнем, и в смертельном истощеньи —
 Шагов ночных — дневных, — до иступленья, —
 Я услышал: под сердцем разгорелись —
 Мои стихи, — свирели алый звон...

Из под воды — из под седой — запела,
 Отозвалась — разлучная волна, —
 Ей — высоко — другая отзвенела, —
 И в зареве взметнулась вышина...
 Ах, — всех блажней, разгульней, — веселее, —
 Над бурой дурью, — белой пеной млея!

Созвучье за созвучием — острей, —
 Как будто слух внимающий пронзало —
 И наконец, — всех игл и всех мечей —
 Тупей! вонзилось... (Боже, — ты мудрей!..
 Ты знаешь всё, — что человеку надо...)
 В тот день, в тот день, в тот день! — в последний день,—

Когда Алёша умирал, — и стадо —
 Плелось радушно с выгона домой,
 Пезвякивая позвонками, — радо —
 В хлевах укрыться от поры ночной:
 Хлодновато... Сизой пеленой —
 Оделся лес пред близкою — грозой...

Не надо!... Где же, наконец, — отрада?..
 Ты, радость нежная, мне Расскажи, —
 Как он мелькал — весь золотой — во ржи
 И васильков — искал... О — нет, не надо, —
 Не надо — ничего!.. Ах, вот — досада,
 Что я позвал тебя — мне ворожить!

Ты — не умеешь! ты опять — тужить
 Меня — о страшном прошлом заставляешь...
 Уйди, уйди!.. плотнее дверь запри...
 Ну, хорошо, — садись!... чулок вяжи...
 Пойди, налей, — и принеси мне — чаю...
 Постой, — я сам, — а ты — сиди, — сиди!

Да, есть в тебе — всегда, всегда, всегда, —
 Когда ты даже думаешь утешить, —
 Печали тень. Как будто, — ни следа —
 От прошлого, — и сердцу станет легче —
 На полчаса, а там опять — мечта, —
 Как бред навязчивый — как призрак вещей...

Так ты не — та? Ты — память? Ты — мечта
 О вечном прошлом? Где ж твоя — «свобода»?..
 Обманщица!.. Ты воздух, — пустота —
 Ничтожество и — скука год за годом!
 И — вновь один, и — тусклая тщета, —
 И — не люблю, — ни Бога, ни природы. —

Не надо — образов: они пусты!
 Ни — возгласов: они давно противны!
 Нелепы — «красноречия цветы», —
 Мой «тон повышенный» — «псалмы и гимны», —
 И стиль, — как немцы любят — бледно — дымный, —
 И рифмы — скользкие... Не — ты, не — ты!

И не «блаженство» — ты, и не — «томленье»,
 И не «надежда» — ты, и не — «жена», —
 Ты — только наглое стихотворенье,
 В котором все подсчитано — сполна:
 И — гласных — девственное изумленье,
 И — страстное — согласных приближенье!..

31

И Фет был — туп, когда он с чайной розой —
 Сладёна старая! — тебя сравнил!
 И Блок был — пьян!.. не мог же он — тверёзый
 Тебе навязывать — цыганский стиль...
 Вот мой зарок: меж музыкой и прозой —
 Как на игле, — в истоме — крайних сил!

32

И — бубенцом под тройкой, — не вызвай...
 И — Гоголь, — врал! и — я тебе не верю!
 Ты всё взяла: потерю за потерей, —
 Младенческий мой обокрала рай...
 Пяец с тобой хоть — мудреца валяй, —
 Иди! иди, он — ждёт тебя — в передней!..

Условились? он — «подождёт», пока —
 Ты будешь измываться надо мною?
 Ты думаешь я губ — твоих алкал? —
 Под спудом лёжа, — на тебя взирал?
 И ты была — июльской луною, —
 Которую я — издали — ласкал?

Я не хочу твоих прикосновений, —
 Ты мне чужда! ты мне навек чужда!
 Не ведаешь ты страстных восхищений, —
 Целуешься ты в губы без стыда, —
 Блудница старая!.. Иди туда, —
 Где ты ломаешься по воскресеньям!..

Не ты восходишь пыле — надо мной, —
 Валяйся — с кем угодно — на диванах,
 Удерживая сердца перебой —
 В посредственных рассказах и романах, —
 Не допускай трагического — в драмах,
 Но сдабривай комедии — слезой!

Ступай к историку литературы, —
 К тому — кто понежней и попухлей
 (Паяц тебя проводит до дверей...):
 Смачней целуйте — ямбы и цезуры, —
 Да, — не забудьте щекотнуть — цензуру:
 «Она была — не так грешна, — ей — ей!..»

Гуляй себе, как говорят у нас, —
 Под портиками всяких — академий;
 Клянись Горацием или «Лицеем», —
 Да, в кресло Пушкинское — развальясь —
 Заранее усядься — попрочнее, —
 Заслуженно — его себе причлени!

А — главное, — вели писать стихи,
 Как можно — площе, — и как можно — глаже, —
 Тем — соблазнительней: сама ведь скажешь!
 При случае, — потупившись, шепни:
 Чем суше стих, тем пуще в нём соблазну, —
 А песенную прелесть — задуши! —

Молитву — зло от сердца отжени, —
 К лицу-ль поэзии — вздыхать и ахать?
 Коль молишься — молись: privat, мол, Sache, —
 Как лютерова ересь — искони
 Говаривала, утаясь в тени —
 Старинных храмов и новейших залов!

Сплоти тесней вокруг себя — нахалов, —
 Твой лад повадный им ли не с руки?
 Что им — до страсотерпческой тоски, —
 До пламени, что душу обуяло?
 Твои шаги им слышатся — легки:
 Ты дешёво всегда им — продавалась...

Нет! не «для звуков сладких и молитв»
 (Считай меня — чернее чёрной — «черни!»)
 «Мы рождены» — для песенных хвалений,
 Для потрясений — и кровавых битв...»
 И человек — тогда лишь — миром сыт. —
 Когда не требует — блаженных пеней!

И — выстраданный стих — всегда, — уныл —
 Пронзительно, — и — невозможно длится —
 И — по сердцам, как по краям могил —
 Ударив, — снидет вниз, — гроба — всколышет...
 А песнь цыганская трезвее — птицы, —
 И вовсе не похожа на — Аи!..

О, муза бедная моя, прости!..
 Что я наговорил — тебе, родная?..
 Я растерял все тихие пути, —
 Лишь гулкие — ступни мои топтали..
 Голубка чистая, о, — отпусти
 Грехи мои — перед твоей лампадой!

Ты — Знаменье моё! Ты — подняла
 Восхищенные к небесам — ладони, —
 Вот — Сына в чрево — девичье взяла, —
 Вот Он — в Твоём неопалимом — лоне, —
 И ты — мою молитву вознесла, —
 К сияющей — в голубизне — Иконе.

Пречистая, — Владычица земли
 И — над землей Небесная Царица, —
 Не откажи: влачащему в пыли
 Вериги ржавые — и вереницы
 Протяжных дней, — что вдоль земли легли —
 Как обескрыленные вихрем птицы, —

К тебе приникнуть, пред Тобой влачиться, —
 Тебя любить, — как мать я — не любил, —
 И как мечтаю! там — в неё влюбиться, —
 Куда бездушный вихрь её прибил, —
 Где Ты струишься — Нега Вышних Сил, —
 Не откажи, глупцу — Тебе молиться!

Я припаду, Твоё целуя чрево, —
 Безбольное — вспоившее Любовь...
 Ты, — Девичью исполнившая Кровь —
 В Сияние Младенческого Тела, —
 Чтобы и нам в Тебе возникнуть вновь —
 И пламя нежное твоё отвеждать.

Покрой меня, о чувственно покрой, —
 Как Ты Его — действительно покрыла,
 И — настоящим молоком вскармила,
 И — вспеленала тихой рукой, —
 И — материнской страсти научила, —
 Да — не смутится — пошлостью людской!..

И как — гордилась Ты — Его умом,
 Над человеческими болями — силой,
 И как — томилась пред Его — судом,
 Перед Его молчаньем — голубиным, —
 И — убивалась под Его крестом, —
 И — над остывшим прахом голосила!

Ты — девушкой и — матерью была,
 Ты для Него — возникла и — цвела:
 Так что Тебе — лукавые надежды?..
 Смерть никого — назад не отдала...
 Ах! лишь тогда, — забывшись, поняла, —
 Когда увидела — одни одежды...

Пошла домой — искала и звала:
 Скажите, люди добрые, скажите!
 Всех спрашивала — знала лишь одна, —
 Едва её на паперти нашла, —
 Едва спросила, — и она ушла, —
 Все — разбежались... Други, как же — быть-то?

И — побежала — вновь, и — догнала, —
 Допытывала, — веря и — не веря...
 «Сказал, что предварит нас — в Галилее!..»
 Пошла за ней, робея и — слабея, —
 А вдруг и — нет? Вот — постучались в двери, —
 И — никого, — одна — пустая — мгла...

О, Господи, о, Боже, Ты всё можешь!
 Так — правда ли? Скажи, — не обмани, —
 Не искуси души надеждой — ложной!..
 Смотрю: идут — назад — ученики...
 Нет, — не воскрес! Ох, — нет!.. идут — один...
 О, Боже — сил моих! О, Боже, — Боже!

И — вдруг увидела... Едва касаясь —
 Земли — еще в предутренних тенях, —
 Идёт навстречу — тихо улыбаясь, —
 Как улыбался раньше — на путях
 Предсмертных, к ближнему душой склоняясь,
 Или с детьми встречаясь и — прощаясь. —

«Вы — здесь? Пойдемте вместе — в Галилею!»
 И голос — тот же, — ласковый — живой!..
 Коснулась рук — ах, — все ещё робея! —
 Поцеловала: Милый мой, — родной!..
 Вошли и сели, — говорил с Фомой —
 И все пытал: кто — верит, кто — не верит?

И вдруг опять пропал! Словно крылом —
 Взмахнул, — и нет Его, как будто не был, —
 Не Он ли промелькнул перед окном?..
 Лишь трепетно — засеребрилось небо —
 Над озером струистым и холмом —
 И где-то выше, — в облаке сквозном...

Да где-же Он? да как же так случилось?
 И — как недосмотрели, Боже мой?..
 Вдруг — не вернётся, — никогда? Пришёл, —
 Как сонное виденье — и ушёл..
 Как омертвелая — пришла домой, —
 И дó-смерти — душа всю ночь — томилась,

И — сколько раз, — вставала и ложилась,
 Опять — вставала, и — опять молилась:
 О, если — вправду жив, — вернись! вернись!..
 И — ночь росла и — дали расцвелились, —
 И — вышние лампы — засветились, —
 И — мнилось, кто-то шёл — в ночную высь...

Не разгадала сна, — не догадалась, —
 И — как достигнуть до святых небес?
 Но разгоралось — сердце, — разгоралось —
 В предчаянии — в предчасти чудес —
 Невероятных. — Наконец — устала —
 И проспала до света... Да! — воскрес!

Ийду — искать!.. Так дни и проходили..
 Ещё раз — видела, когда — ловили
 На ужин рыбу... И — навеки исчез, —
 Пстом — нигде, — нигде не находили..
 Ходила плакать на пустой могиле, —
 Да умолила — подарить хоть крест,

Балявшийся в сору, — месте казни, —
 И радовалась — бедная — как в праздник, —
 Когда его с Голгофы волокла, —
 Целуя и слезами обливая..
 Владычица Небесная! — не зная, —
 Какую страстность — миру сберегла!..

Поэзия, — стихами — не мани, —
 Я ведаю лишь страстное — смятенье!..
 Тансь — как призрак — в ласковой тени
 Пустынных пальм, — даруя утоление —
 Водой студёною, водой мгновенья, —
 И — утони в тумане, — утони!..

О, — быть — грубей! о, — быть грубей и — проще, —
 Быть откровенным — душу расплескать!..
 Все до краёв полно такую — ложью, —
 От вечности — темно и невозможно..
 Я буду там, — в посмертьи, — осязать —
 Мир, — страстный мир — в крови и — яви Божьей!

Так, — если ты печаль мою возьмёшь, —
 Её в стихах отзвучных прочитаешь, —
 Неведомый! — пойми: всё — тлен и ложь, —
 И как я буйственно — во всем сучаю, —
 И — паутину тонкую сплетаю, —
 Покамест — ты её не разорвёшь!

«Напрасно ты восходишь надо мной —
 Посланницей волшебных сновидений...»
 Кто так изрёк? кто, — лицемерный гений,
 Так долго издевался надо мной, —
 Бросая душу в яркий рой — видений,
 А тело — смерти лютой, — на убой?..

Колеблется на тонкомъ острие, —
 Тончайшем острие — моё сознанье:
 Живу, дышу, — пою — как на игле...
 Все остальное — ужас и молчанье, —
 И — сода глупая — кипит в стакане, —
 И — нет добра, — и зло лежит — во зле!

И, — если миру я рождён был добрым, —
 Я пролил на путях своё добро, —
 И покупал, и продавал — и продал —
 Всё продал, не осталось за душой —
 Ни медного гроша, а — серебро
 И золото, — заложены давно...

Себе чужой — народу дик, — природу
 Не чувствую — не знаю — не люблю, —
 Лишь — душу женскую в бокалах пью!
 Ласкал ли я когданибудь — свободу?
 Одну свободу — личную ценю —
 И ничьему не прилежу — приходу. —

Живу как — перст! — Один! и все — неправда
 Слова мои, — и к правде — не придешь!..
 Всё паутину ткёшь, да ткёшь, да ткёшь, —
 Под потолком — снуёшь, снуёшь, снуёшь...
 И — полегоньку — глухо устаёшь, —
 И — слепо славить правду, — благодать Божью!..

Жизнь или сон? Бог или мир?... Не знаю!
 Попритчился спроста — великий сон..
 Что ж я? — Ничто... Поэт? — Не отрицаю!..
 Поэт, поэт... Замолкнет звучный стон..
 Нет — мира, — нет — меня... Но — утверждаю, —
 Что — Некто есть, — и надо всем — волён!

Отвергни грусть, — скажи восторгу: пошел —
 И не умею я — писать стихов, —
 Что жить на свете и счастливу — тошно, —
 И все вращается средь тех же — снов, —
 Каких там — снов? одних и тех же — слов, —
 Но некто — есть, — и Он один — неложен!

И, — наземь пав, начну ласкать и — плакать, —
 Ласкать — зелёный и душистый пол, —
 И буду мёртвых выкликать из мрака, —
 Не мысля, — что — мы спим и — видим сон, —
 И — буду выть на месяц, — как собака...
 Но — Некто — есть, — и я — спасён!..

Ты высмей — догматы церковных хартий,
 Ты презри — всяческий мирской закон, —
 Скажи: нет музыки — лишь перезвон
 Телячьих жил или — воздушных волн, —
 Скажи — в истерике, — скажи — в азарте:
 Что жизнь есть сон!.. Но, — Некто, — видит сон!

И это — так безумно — невозможно, —
 И не похоже — ни на что, — что — есть...
 Не две ли истины? одна тревожит
 Сей мир, раскинутый вокруг нас — окрест, —
 Другая — Он! И — всё же, — воля Божья —
 Единственная наша страсть и — честь!..

И я — тебя, заветная, — люблю, —
 И не умею я с тобой — расстаться,
 Твою серебряную душу пью, —
 Пока вершины гор не озлатятся, —
 О, — не луной! — и звёзды мне не снятся, —
 Я — только к золоту — икон, — прильну!

Когда же солнца — явно разгорятся, —
 И — примут в лоно алое — Любовь,
 И в Ней сгустится — огненная кровь,
 И дети радости — на свет родятся, —
 Я упаду к твоим сияньям вновь —
 Твоей ли, — неге, — муза! поклоняться?

Но — я зажгу, — пред Страстностью — свечу,
 И Дева света мне не будет — сниться,
 Но будет — жить — во мне! О, я хочу
 С тобою — быть, когда ты будешь длиться —
 В том зареве, — и я — к тебе взлечу —
 Как — упоённая сверканьем птица!...

Так я — молился долго, — пред иконой,
 Так я светился маслом — пред тобой, —
 И в воске жёлтом — истекал душой,
 Издалека — твоё лаская лоно —
 И — в бденье — злобном — дней неугомонных
 И — добрых дней, мелькнувших — чередой...

Опять, — не то, опять — не так!.. За дверью —
 Паяц заплакал... Что такое? Что?
 О, чепуха!.. Я сам — ему позволил?
 Я сам — сказал? Ах, — нет!.. не то, — не то...
 Напротив — я сказал тебе: прикрой —
 Дверь за собой — плотней, плотней, — плотнее!..

Зачем — закрыла ты глаза — руками?
 Как ты похожа, — помнишь ли? — всегда
 Алёша плакал — так, когда — наказан —
 Сидел в углу на ящичке... Я знаю —
 Ты скажешь мне: не запрещай, — слезами —
 И можно только, — облегчить печаль...

Не отходи!.. Как Лермонтов, — стихами
 Я буду — целовать тебя во сне, —
 Не ты меня — а я! как — облаками
 Неверный, — милый очерк, — в вышине, —
 Я ублажу тебя — как ублажают
 Ребёнка матери, — во сне — руками...

Пойдем — ко всенощной!.. — Уж отзвонили..
 В ту церковь, где — всегда полутемно, —
 Народу мало, — три свечи забылись —
 На столике — пред сумрачным Крестом, —
 И тихо станем рядом, чтобы — бились
 Сердца слышнее, — словно — под стеклом...

Тот самый крест, который сохранила —
 Владычица, на память испрося, —
 Когда о Теле — о Его молилась,
 Пропадшем без-вести... Ты — как дитя,
 А я — как тот, унылый и бессильный, —
 Кто раны осызгал его, шутя! —

Мы скажем вместе: Страстный Царь — Небесный, —
 Ты — знаешь нас, — Тебя не знаем — мы, —
 Мы врозь с Тобой пустились в путь безвестный, —
 И к пристаням причалили — Тюрьмы, —
 И — думаем, что — нет страны прелестней, —
 И — все то мы — и злы, и нечестны; —

И — ничего то мы — не разумею,
 И — человека — твари нет пошлее, —
 Презреннее, надменнее — смешнее!..
 Кому — кромѣ Тебя, мы ни радели, —
 Пред кем ни ползали мы на коленях?.. ---
 И — все то были нам — Тебя святее! —

Отечества наставники — указку
 Педняв, — и грудью выпятысь вперед
 (Приедут с Марса — скажут: анекдот),
 Вопили, что пришла пора, мол, маску
 Сорвать — с попов, — и — вразумить народ, —
 И — ладаном кадили — Карлу Марксу!

Ещё постыдней — или смехотворней —
 Иль недоведомо себе самим? —
 Всеосиянным именем Твоим
 Метали в бомбах — динамитный дым
 Теснителям народным — под рессоры, —
 И — христолюбом был для нас тот — воин!

И гаже — было: разве — не лизали
 Заплёванные папёрти церковей, —
 Те, — кто — Тебя, как древле, — продавали? —
 О, нет, — пусть — распинали б, — то верней!..
 Но — Именем страстным Твоим — скакали, —
 И — растлевали женщин и детей...

А я? куда ходил Тебя судить —
 Честить — хулить.. Мне был ли другом — нищий?..
 За истиной, — к кому блудил, — просить, —
 Об утоляющей и страстной пище, —
 Каких питий — безогненных — испить?
 Чьим именем — божился?.. Нитцше, Нитцше!..

И я спал — к Тебе, — с моей постели,
 Еще пригретой — томной белизной
 Наложницы — сегодня уж второй, —
 И плоть Твою — хвалил! О, — как горели —
 Твои глаза, — над смертной слепотой
 Моих — бесчувственных — Тебя хулений!

О, — если Мать Твоя Тебя молила
 За наше — каиново житиё, —
 (Голубка — чистая! давно — простила...)
 Ты — не прости! Да сотворится всё —
 Над нашей буйной головой — унылой, —
 Чем осквернили — Имя мы Твоё!..

Недвижимый!.. дозволю: Ея — иконы
 Дотронуться — хоть издали, — душой, —
 Не смея — масла теплить, — но одной —
 Мечтой — холодной близясь, — в тёмной — тёмной
 И — мёртвой комнате... пустой, пустой!..
 Пойдём, пойдём!.. пойдём!.. домой! домой!..

Нет! ты — останься здесь, а я — пойду, —
 И помолись ты за меня — теплее, —
 Пред Нею! Слушай: я тебе скажу —
 Мою мечту (быть может, я — слабею, —
 И говорю — не точно...) К моему
 Ты — ангелу — склонись, — меня жалея!

Я верю: не оставил он меня, —
 Он здесь стоит и — слушает, — он — между
 Тобой и мною, — всё такой же нежный
 И — золотой... Ты видишь, как горят
 Три свечки, — светом Богу говорят, —
 Одна — едва мерцает, — это — я!..

А две другие — жарче и ровнее; —
 Одна из них — Алёшина... Я верю, —
 Он там, куда — помыслить я не смею, —
 Подняться: — в девичьей крови — алеет, —
 Всё знает, — и простил меня — давно...
 Ты — вместе помолись ему, — со мной...

ПОГРЕБЕНИЕ МЛАДЕНЧЕСКОЕ

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ.

Не убоишься ужасов в ночи, стрелы
летающей днем, язвы ходящей во мраке,
заразы, опустошающей в полночь.

Чин погребения младенческого. Пс. 90

Вы разве никогда не читали: из уст
младенцев и грудных детей устроил Ты
хвалу?

От Луки.

1

Я не стпел ещё последней песни, —
Лечу назад — спешу мечту догнать....
О! завтра будет призрак бестелесней:
Мне по утрам его не ощущать...
Не убегай! сегодня ты воскреснешь, —
Тебя опять я буду — осязать!

2

Не только — знать, не только — обнимать
Тень облака — портрет в холодной рамке, —
Дым, ускользящий при блеске лампы...
Вгляни, — я буду глазки целовать!
О, ручки протяни, — чтобы узнать
Я мог тебя — по ноготкам, по пальцам,

3

По тонким губкам, по лукавым глазкам,
 Прикосновеньям золотых ресниц —
 И крыльям за плечами, как у птиц —
 Неоперившихся, или — как в сказках! —
 На лепестках цветочных — вереницы
 Былинок лунных — мчатся в светлый час. —

4

О тише, тише! я сегодня буду
 Как можно тише — говорить с тобой, —
 Как тайна с тайной — как душа с душой!
 Так — странники всегда внимают чуду,
 Так — волны кротко говорят с луной,
 Когда она забылась — над водой.

5

Что мне сказать? ты понимаешь всё,
 Что мне дано, едва касаясь, слышать...
 Ты около меня живёшь и дышишь —
 И до зари — останешься со мной, —
 А на заре — как счастье — за окном
 Мелькнёшь, кивнув головкой золотой! —

В тот вечер — там — над бездною морскою,
 Когда я понял, — смерть уже вошла
 В тебя — и кровь твою уже пила,
 Переживая лишь — последней воли, —
 Качался шар багровый над водою —
 А наверху уже струилась мгла.

Я понял — понял: с солнцем ты зайдёшь,
 И с солнцем встанешь алою зарёю!
 И ты зашёл — и солнце низошло, —
 И вновь взошло: — уже с твоей душою..
 Ты в нём живёшь — и розовой рукою
 В рай голубой — ночной — меня зовёшь...

Да, если в солнце — ты, — то и кругом
 Всего цветущего в раздольи дольном, —
 Со мной вдвоём — в грехе моём невольном
 И — вольном, вольном, — мальчик мой! — и днём,
 Овеянным дыханьем безглагольным,
 И — в шопотах ночных или — безмолвьях...

Я солнце полюбил с тех пор, как ты
 В его садах весёлых поселился,
 Люблю твои и травы, и цветы!
 Ты кинул мир и вновь зазолотился —
 Да! потому-что в нём ты затаился
 До синей — до лазурной высоты!

Любил ли я в тебе — мечту свою,
 Но мне не снилось ничего — прекрасней,
 Чем — золото волос твоих: ты — райской
 Земле их отдал, чтобы только в сказках
 Их вспоминали, — знаю, — их в раю,
 Расчёсывая, ангелы — целуют!

Ах, только в памяти — перебираю
 Их пряди, пальцами — едва касаясь:
 Как бабочку держу в руке моей...
 Боюсь — пыльца слетит, и — отпускаю:
 Лети! живи, — целуй цветы полей, —
 Глядись в глаза — возлюбленному раю!

Залюбовался я твоей душой,
 Как остановленный в одном мерцаньи, —
 Забылся, восхищаясь над тобой —
 Не удержал мечты — своей рукой...
 Кто — над твоей головкой золотой
 Не забывался — не мечтал о рае?

Днём суета — и я себя не знаю, —
 И ничего не разгляжу в окно;
 Но канет день, — и только тишиной
 Ночной и — чувствую, и — понимаю:
 И мне поёт, вздыхая, вещество, —
 И — чудится — вникаю в божество. —

Лишь по ночам твою впиваю душу:
 Так солнца дышат — в глубине ночной, —
 Как камни, спрятанные под землёй,
 Тмятся в алых — синих недрах... Слушай, —
 Я всё скажу тебе — и ты поймёшь,
 В чём истина — и в чём людская ложь!

Одно — и ночь, и солнце, — вещество!
 Так искони — недаром — утолимо
 Земля их впитывает естество, —
 Своё же солнечное, — светодымно;
 Вот почему и было — рождество
 Христово явлено, — над дымным миром...

О, как порывисто ты знал — всегда,
 Что я — отторженный — никем не принят, —
 Затем — что душу мир из мира вынул
 И — кинул на задворки бытия...
 Теперь ты видел, где — душа твоя,
 Из тела вылетев, — чуть не погибла!

Там, где валяется вселенский сор —
 Не власть и дьяволу! — течёт напиток
 Ничтожества — с каких-то ветхих гор, —
 Слюна — отрывка зла, а не избыток! —
 Не угодивший никому — с тех пор,
 Как зла отвар был первым бесом выпит:

Там, — на зелёно-бурых берегах
 Вселенской мерзости, лиющей соки —
 В рот дьяволу, который их не хочет,
 Но — отвратился в гневе, — там пророчить
 Душа вселенская обречена, —
 Там человеческая плоть — страстна!

Так мы живём... Ужасно! И никто
 Из тех, кто мир слагает ежедневный, --
 И не шелóхнется тупой душой...
 Валяемся — и уплотняем сор, —
 Таких же завалиющих бесов — теша...
 И даже им — зевается порой!

Ты светишь каждой бледною былинкой --
 И каждой ягодкой — в тени лесной...
 Я не коснусь тебя моим уныньем, —
 Но ты позволь, — забывшись — пред тобой
 Рыдать... Ты — в синей глубине хранимый, —
 Младенческой рукой меня — накрой!

Я ждал тебя, чтобы сказать, что сладок, —
 О, сладок, милый! — смертный жребий твой:
 Ты увидал же сам, что — только радость
 Там — за могильною горит чертой, —
 Что — именуемый дыханьем — зной
 Души — на миг! — болезненный припадок!

Душа вольна дышать, — но дышит — солнцу
 О! только — там, где — в прок её лучам
 (Уже не сдавленным в костях — кровям,
 Не сжатому под костной тканью — мозгу, —
 Не верящему собственным ушам!)
 Оно сверкает — пламенно и звонко...

Перед глазами пелена легла —
 И ничегошеньки — то нам не явно, —
 Хотя глаза, выпучивая, палим:
 И — ни черта! как — дьяволова зга!..
 Души, мол, — нет! а есть, — «конгломерат» —
 Каких-то там толканий и дрожаний, —

Есть — толчея!.. Добро бы — беснованье
 Вилявых бесов — нет, — частиц мельканье —
 Так — ни с того — да ни с сего! болтанье
 Воды в стакане, — каша из яиц,
 Из коих каждое снеслось без птиц —
 Само собою! Тканей претыканье —

Друг-бб-друга... Ни обликов, ни лиц
 (Как говорят — «не жизнь, а прозябанье!»)
 А имя каждой из таких крупниц
 (Беззвучнее им не дал бы названье —
 Сам ад!) есть — атом... (вроде восклицанья, —
 Когда не продохнешь, хоть — задохнись!)

И не стареет эта старина:
 Лишь подновляют к новому сезону, —
 Пустому дико кланяясь закону:
 Как будто есть — закон! и — не страстна
 Стоит над миром — мерклая луна, —
 Неопалимо схваченная солнцем!

Как будто зверь — не плачет, не грустит
 И — жаждой духа душу не томит
 Под шерстью ярою, — под тихой кожей;
 Как будто птица в небо не летит —
 Затем, что дол под нею — пусть лежит,
 И — что лазурь ей зеленей дороже;

Как будто бабочка — не тем грустна,
 Что книзу червь её — опять притянет;
 Трава — не тем темна и зелена,
 Что осенью опять — она завянет, —
 И не светла — лесная тишина
 И в вешнем, и в серебряном стояньи, —

Вода, вода ужели не пьяна —
 До пресыщения — сама собою, —
 Гулливая — не дышит ли волна:
 Соединиться — наконец — с землёю, —
 И пена сизая — бела, бела:
 Не оттого ль, что стынет — над водою?

И — разве мудрость всех людских веков
 Не убеждала нас, что горы грозно —
 Нахмуренные — дремлят в древних грёзах,
 И — в блеске молний — проливают слёзный
 Земле потоп, — алкая влажной воли, —
 Изнемогая — под огнём снегов?..

И — воздух полон — душами мирскими —
 Звериными, лесными, полевыми, —
 Полуденными в полдень, заревыми —
 Зарёю, ночью — синею — почными, —
 И духами, и духами людскими...
 Мы ими дышим, — им же воздух — имя?...

Цветы любил ты, милый, полевые, —
 Как будто сны пришли к тебе в цветах:
 И — звёзды в полдень, — снежно — золотые
 Ромашки в зеленеющих лугах
 (Желтое солнца — в белых облаках...)
 И — очи синие — во ржи, — почные...

Ты понимал: и пташек лепетанье,
 И бабочек застенчивых дрожанье,
 И пчёл тревожных гулкое ворчанье,
 И муравьёв забавных прозябанье, —
 И был доступен глазкам голубым —
 Воздушных душ — в лучах — лазурный дым ;

И ангелов ты видел — наверху, —
 Летающих заботливо над нами;
 Ты обнимал их — издали — руками,
 К себе притягивая... И, — мечту ль —
 Счастливую! исполнил — слишком рано,
 Лазурную восхитив — высоту?

Или, — заветные шесть лет прошло;
 В осьмой бы тронуло греха томленье, —
 Коснулось бы томительное зло
 Души младенческой — веков косненьем, —
 Непроницаемой глаза затмило б тьмой?..
 (Бесчувственное — мира непрозрень!..)

Одна из стрел, порхающих в ночи, —
 Зараза острая тебя пронзила, —
 И кровь играющую опалила —
 Палящим ядом яростных стихий:
 Зло — против рая, — низменная сила
 Небытия — против иных бытий!

Как дьяволово жало — скарлатина
 Всосалась в жилы алые твои!
 И досыта же в них навеселилась...
 И — сколько б дней её веселье длилось, —
 Да, Бог — смягчился над душой безвинной
 И сократил — истомы смертной дни. —

И выпал ты из мира — на девятый, —
 Из мира видимого — страстных рук,
 Тебя качавших — здесь, — в стране разлук, —
 В предчаяньи — последней, — треклятой!..
 Так — я роптал и выл, — под тяжкий стук —
 Могилу жадно роющей — лопаты. —

И — ночь зашла, — на сумрачном краю, —
 Не чувственных — не чувственных! явлений, —
 И — утро встало, — на краю томлений —
 Дневного света... Боже дней!.. в раю —
 Вшуши мне тайну — явных ощущений, —
 И душу — явью напои мою!

Как я узнал, — как ощутил твой дух,
 Мелькающий, вздыхающий, — вокруг
 Моих нечувствующих осязаний?
 Как ты проник в мой отверделый слух?
 О, я не вынес бы твоих молчаний, —
 На пламень — посягнул бы — заклинаний:

Чтоб дух мой — сблизить чувственно — с твоим, —
 Чтобы сдвоить с твоим — мой мёрзлый дым,
 Чтобы растаял — лёд моих незнаний!..
 Я — должен знать! Я — должен быть с моим
 Сскровищем!.. Я — скуп! Ни с кем другим —
 Червонцами из моего подвала, —

Не поделюсь!.. И — что мне в том, — что дух
 Вселенский — цел и — сам себе подобен, —
 И в средоточии — и врозь в природе, —
 Что — мир ли влажен, пламенен иль — сух?..
 Паси послушные — стада, пастух, —
 Стада, долейте рабству и — погоде!..

Я должен быть — бессмертным!.. Потому,
 Что я — не червь самодовольный в злобе, —
 Я должен быть — всегда! Проникнуть — в тьму, —
 Руками тронуть — мёртвый облик гробный..
 Я растворить хочу — свою тюрьму, —
 И целоваться — с солнцем на свободе;

Я воскресенье потому зову,
 Что я его, — как блеск незапный — чую, —
 Я родился — и для того живу,
 Чтобы осилить тягу праха злую, —
 Прах раскидать — как дьяволу згу!..
 Алёша — жив, — так как же я умру?..

Я не спирит, столов я не вертел,
 Я душ, тела забывших, не тревожил, —
 Я адскихъ бы заклятий не презрел,
 Но не склонился бы к тщете безбожья:
 Я знаю Бога! — как мерцанье — тел, —
 Мерцающих на пристальных дорогах —

На пристальных — смотрящих в лоно Богу, —
 Держимых медленной Его рукой...
 Нашёл ли ты чудесную дорогу —
 Сегодня сам, мой мальчик золотой, —
 Или привёл тебя — мой вздох ночной,
 Вздохнувший к твоему пустому гробу,

Заваянному посреди гробов, —
 Снегов белеющих — усталой Лавры, —
 Приподнятому — ангелов руками?..
 Ты умирал, — воистину как ангел, —
 Ты улетал в страну очарований —
 Как на крылах младенческих шагов!..

Ты здесь — со мною — в воздухе моём, —
 Который я, вдыхая, выдыхаю, —
 И — в резком электрическом сиянии, —
 Невидимо над письменным столом...
 Да, — ощущаю — знаю — осязаю, —
 Не вижу?.. слышу?.. знаю, знаю, знаю:

Что близишься ты — страстному вниманью,
 Что видишься ты — ангельским глазам,
 Архангельским — ты слышишься ушам,
 Что серафимы — пьют твоё дыханье,
 Что херувимским — предан осязаньям, —
 А здесь — моим протянутым рукам!

Ты прожил жизнь в сплошном очарованьи,
 Заворожённый запахом лугов,
 Благоуханной прелестью цветов;
 Медвяной тайной сладко обаянный
 И — пряным благовонием грибов...
 Озёр — серебряным, — в снегах — сверканьем!..

Ты всё как будто — раю посвятил,
 Как будто — вещи каждой отдавался, —
 Всё называл «мечтой» — во все влюблялся, —
 Ко всем бежал — всех поровну любил, —
 И каждому — на шею ты кидался, —
 И каждого — по своему крестил...

Звонок в передней — и бежишь, бежишь —
 Не уследишь! — открыть скорее двери —
 На — отмажь — настезь! криком счастья встретишь,
 На шею кинешься — и сам разденешь, —
 И в каждом — мелочь каждую заметишь, —
 И — выходца из гроба — рассмешишь. —

И — все смеёшься, — и шалишь, шалишь —
 Порывистый, мечтательный и нежный, —
 Весь — золотой! куда то — всё спешишь, —
 Топочешь ножками, — и всё безбрежно —
 Вокруг — как озеро за ширью снежной, —
 А ты — на лыжах по-снегу скользишь!

Всегда — бежал, бежал, — догнать нельзя!
 По берегу, — наглаженному пеной —
 Волны морской, — сам как волна — весь белый, —
 В одной рубашечке на голом теле —
 И белой шапочке... И — стрекоза,
 Резвясь, — с тобою рядом полетела, —

А ты бежишь — за бабочкой — вольней, —
 Стремительней — и стрекозы летящей, —
 Шапчонку сдёрнул и — поймал, как зайца, —
 Охотник ловкий! и, — назад — живеи...
 «Мне — жалко бабочку...» и — отпускаешь,
 Поцеловавши — крылышки у ней. —

Цветы, собирая, целовал их в губы,
 Грибы, — целуя — прижимал к груди...
 Всё целовал!.. Я надеваю шубу, —
 А ты её — целуешь, позади
 Меня, — тайком прильнув... И — всё, к чему бы
 Ты — ни дотронулся, в твоей любви, —

В твоей улыбке — тонкой и лукавой, —
 Всё становилось милым и живым, —
 Случайное казалось — не пустым:
 Мышата — с механизмом заводным, —
 С испугу, — по полу — стремглав бежали, —
 И яйца — с гор — как шалые, — катались...

Шеглёнку канарейку прикупил,
 Чтобы они — наверно — поженились, —
 И всё дружил их, чтобы не бранились, —
 И в письмах посылал поклоны им, —
 А рыбку золотую окрестил —
 «Моим кусочком золота — родным». —

Щенка себе слюнявого достал —
 И к сердцу, и к губёнкам прижимал:
 «Ты, Росенька моя, — мечта моя...»
 А я дразнил, что — ничего не стоит —
 «Твоя мечта», и даже отказал —
 В достойной нежностей — породе псовой;

Всё прибегал ко мне — и всё грустил:
 «Зачем ты, папа, Росеньку — не любишь?»
 И, не добившись от меня любви, —
 К своей «мечте», печальный, уходил —
 И целовался с нею долго — в губы, —
 А утром — снова с ней меня мирил...

Всего чудеснее — в снегах ты был, —
 И я в снегах тебя — навек запомнил, —
 Когда на лыжах шибко ты скользил,
 Чуть золотясь под капюшоном чёрным —
 Чухной одетый, — по степям раздольным —
 Озёр сверкающих — Финляндских зим:

Земле тебя я передал — в июне, —
 Анютиными глазками — июль
 Могилку кротко осветил твою, —
 Настурциями — август пышно обнял, —
 Но почему же — я тебя люблю —
 В снегах, — особенней — зимою — помню?..

На городских квартирах — по полам
 Паркетным бегал, словно — по полям, —
 Дверей не разбирая — тельцем гибким;
 Нырлял по оттоманкам — шустрой рыбкой —
 Или, подпрыгивая — прытко, прытко:
 «Я ангел! я летаю!» — лепетал...

Купили мячик. — В потолок бросал,
 Покрытый слоем годовалой пыли, —
 И, пятнышками бойко запятнав, —
 Едва рукой до них не доставал:
 «Я — бог! я — звёзды делаю!» и — звал
 Весь дом смотреть, — как звёзды — засветились...

Я всё хотел бы в эту ночь припомнить, —
 Но тает — тает золотистый дым...
 Под Новый Год тебе я подарил —
 На стенку календарик. — Ты решил:
 Календарями — целый мир заполнить, —
 Всю комнату — все стены, где ты жил —

Последний год... И все тебе — дарили,
 Кто не придёт, — то новый календарь.
 «Алёша, для чего это?» — «Я — царь
 Календарей!» — А смерть — уж шелестила, —
 За каждым листиком, что отрывал
 Ты по утрам, — и каждый — целовал...

Предчувствовал ли — смерть свою? Почти
 Или — наверно? Все твои мечты
 Такие звонкие, как будто к смерти
 Неслись порывисто, — как с высоты...
 С постельки ночью вскочишь, — черти, черти...
 «Алёша, что с тобой?» — «Черты, черты!..» --

И — все пытал: воскреснем или нет?
 Наверно ли? и — что же с нами будет?
 И — почему ж — бояться смерти люди,
 Коли — прелестней тот, чем этот свет?
 И — как сердился, если бы в ответ
 Кто пошутил: «Я не люблю пошуток!»

От похорон, при встречах, уводила
 Тебя в сторонку няня, зная, как —
 Ты к ним тянулся, — словно бы — могильный
 Испытывал — заране душу — мрак...
 Но разве мы — решились бы, — могли бы
 Сказать, что ты — уже в лучах сверкал?

Была весна. Мерцало воскресенье —
 С прогулки возвращались мы домой;
 Навстречу дроги... Словно — в изумленьи, —
 И — словно крылышком, — взмахнув рукой:
 «Я скоро ведь умру» — и ни одной
 В глазёнках ясных — тени, — омраченья!

Все совершились тайные приметы
 Въявь — над твоей заведомой судьбой, —
 В то знойное — таинственное — лето...
 Мы шли по берегу. Вдруг — как шальной —
 Откуда то, — уж не с того ли света? —
 Пронёсся заяц — чуть не под ногой;

Среди купален — заяц!.. Только что —
 Испуганный зверюшка в лес умчался, —
 Глядим: как на — смех! — прямо под ногой, —
 С отвиснувшим крылом — с раскрытым ртом —
 Ворона дряхлая дух испускала, —
 От жажды задыхаясь. — За водой

Со звонким ведерцом ты вниз понёсся, —
 Воды набрав — вливал вороне в рот, —
 Чуть дышит — и воды уж не берёт.
 «Ну, Бог же с ней! пойдём домой, Алёша!»
 И Женя тянет за собой, — нейдёт;
 Стоит над ней и смотрит, — как приросший..

Пошли купаться за-версту, где мельче
 Морское дно. На берегу бревно
 Валяется. С подстреленным крылом
 На нём — ворона! Тот же зрак зловещий!..
 Смерть — нагло обступала нас кругом,
 И с каждым шагом — всё наглей и резче. —

Да — всё наглей! Путём кружным — домой,
 Не торопясь, мы молча возвращались, —
 Вы оба — грустные, я — сам не свой ;
 Ты отставал, тихонько нагибаясь, —
 Морские раковинки выгребая...
 И вдруг — опять! уж с голой — головой!

Меж раковинок розовых твоих —
 Какой-то тёмно-жёлтенький кусочек, —
 Весь остренький — как клюв вороний... Точно!
 Вороний черепок — водой обточен —
 Как раковинка скользкий. — С глаз моих —
 Долой! Блуждай себе — в волнах морских!..

И — бросил в море, — черепок вороний..
 (Чудно? Не так ли гоним мы в окно —
 Седую муху? двери на запоре —
 Наверняка, не нам ведь суждено!..
 А и придёт — когда ещё? — не скоро!..
 Знай — не зевай, — и проживёшь — лет сто!)

Два дня прошло. Опять с кушанья идя —
 Уже другой дорожкой — лесной, —
 Как клад нашли, — наткнулись: две могилы...
 В дни революции латышской — двое
 Борцов отважных здесь слегли в покое, —
 Подстреленные царскою стрелой...

Ты нёс цветы в руках (всегда — с цветами, —
 С ромашками своими).. Сам прочёл
 Надгробие немецкое, — потом —
 Как будто давней грустью отуманен:
 «Я положу цветочки им на память», —
 Чуть прошептал и — грустный шёл домой.

Так! Здесь она — упряталась! в тумане —
 О, наглая! — почти сантиментальном, —
 А там, — всё — и чувствительней, и злей...
 Играй точней! ведь, всё равно — обманешь,
 Мелькнёшь соблазнами полусетей, —
 Толкнешь — оттянешь — и в силок затянешь!..

Был милый день, июльский знойный день —
 Ещё не душный — но уже горячий, —
 И пленная ещё вздыхала тень,
 И пенились ещё под солнцем тучи, —
 Жасмин пьянел, — а томная сирень —
 Напоминала чей-то сон — певучий.

Ты утром познакомился, гуляя
 С весёлой девочкой — соседкой с нами —
 Твоей же однолеткой и кокеткой —
 С такими же, как и твои, глазами
 И золотисто-русыми кудрями, —
 И с именем таким же — как у мамы...

Как подружиться, как к себе зазвать?
 Туда пойти? немножко стыдно взрослых,
 И Женя высмеет — насмешник острый...
 Придумал! Взлез на тонкую берёзку
 И — песню звонкую стал распевать, —
 Не очень громко: могут услышать! —

Не знал, что мы за шторой притаились
 И слушали — предсмертную твою
 Улыбку... Звуки песни перевились —
 С заветным именем... И сны в могиле, —
 Но всё — её и слышу, и пою:
 «Приди же, Элленька!.. приди!.. приди же!...»

Был предпоследний день — певучий день —
 Пахучий — тающий голубизною. —
 Шмель на веранду нашу залетел, —
 Ты не давал прогнать его... «Постой же!..»
 И всё дотронуться хотел рукою —
 И называл «безвинною душою...»

Стучался шмель — и бился об стекло,
 Как будто бился в воздух головою, —
 И выпорхнул! тревожно — золотой,
 Довольный волей — волей голубой, —
 За той пылающей голубизною, —
 Позванивая тонкою струною!..

А смерть уже совсем и не таилась —
 В глаза смеялась нежно и умильно:
 Твоей последней — помнишь ли «мечтой» —
 Почти навязчивою, — был будильник!
 — Что календарик? Вот — тебе, родной, —
 Значок мой: звонкий маятник — могильный! —

«Купите мне будильничек! простой, —
 Совсем обыкновенненький, такой,
 Какой на столике у бабы Лёли!
 Ну, что вамъ стоит?..» Ничего не стоит!
 Вот — почему и мама, — спешно в город —
 Тебя везла, сказав, что я — позволил...

В больнице — и просторно, и светло,
 Всё по немецки, — чинно и опрятно;
 Смотрелось в сад открытое окно,
 Впивая знойный воздух — благодатный...
 Укутанный — тяжёлой, душной ватой, —
 Клеёнкой липкой, — ты лежал и плакал;

И — бился головёнкой золотой
 О стенки скользкие своей кровати, —
 И смерти, смерти не хотел — треклятой!..
 Вошла — вонзилась, — растеклась рекой, —
 И напилась таки — воды живой..
 Кто — злец — сказал, что имя ада свято?

Кто смерть — хвалил? кто ей — сейчас кадит?
 Да — будет ад ему за то, — расплатой!..
 «Лишь точка одна — болит — болит...»
 «Лишь точка одна!..» и — дёргал вату..
 Не вата ль — душу дó-кости томит?
 Не вата ли — в рыданьи виновата?

Метался — и роптал — и утихал, —
 Меня в порыве смертном обнимал,
 И целовал, как раньше, — прямо в губы, —
 И приникал, всем тельцем приникал, —
 Как будто говорил, что любит, — любит..
 А я боялся — я не целовал, —

Боялся заразиться сам и — Женю
 Твоей заразою околдовать,
 Как нагло околдован был ты ею, —
 И только с краю губ твоих ласкать
 Тебя — дерзал!.. Ещё дерзал — шептать
 В твоё дыхание — всё, во что верил!..

И я шептал: «мой мальчик, мы воскреснем —
 Наверное, наверное — с тобой!
 Мы встретимся! душа — с душой — с душой!
 Мы будем жить вдвоём еще телесней, —
 Неслыханней, невиданней, прелестней —
 Всей прелести, всей прелести — земной!..»

И < тише, тише, под рукой,
 Моей рукой — вот этой, — этой самой —
 Которую сейчас пишу — вдвоём —
 С тобой, — всё тише... Мальчик!.. мальчик — мой!..
 Алёша — мой, Алёша — золотой!..
 О, Господи, — младенца — упокой!..

ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ.

...На тот конец, чтобы вселенная
не подверглась разрушению и не
разрешилась опять — в небытие.

Афанасий Великий.

1

Теперь — я знаю! если где-нибудь —
В каких-нибудь пространствах безбрежных —
Назначено божественно-утешно —
Недвижимой звезде — ещё блеснуть,
Или — по человечески мятежно —
Блудящей, — в море — вольно утонуть;

2

О, если где-нибудь — вдруг улыбнулась,
Задумалась младенчески — мечта, —
Моя — в ответ ей — радостно качнулась, —
Руками рук — мечтательно коснулась, —
И, к трепетным губам — душой припав, —
В ея лучах вздыхающих — очнулась!..

3

Я знаю: если звёзды любят небо,
А солнце землю — греет и поит —
И — светит травами и — всходит хлебом,
И человек — не только хлебом сыт, —
Я — не погибну, — я рожден — бессмертным;
Меня земля — стремительно стремится! —

4

Я буду находиться — там — во всём, —
И никогда не разольюсь бескрайно, —
Но — сжатым воздухом, — текучим сном, —
Осуществленную бескрайно тайной, —
Не истомляясь — чередой времен —
И не подвластный — обликам случайным...

5

И будут ангелы — давать мне пить
Дыханье света, ибо я — сиянье, —
И ангелам я буду приносить —
Мое нерастворённое дыханье, —
Чтобы они могли, его вкусив, —
Меня хвалить — за то, что я — их ангел;

И будем мы с Алёшей — вместе жить!...
 Как — будем жить? Кто знает? Я — не знаю, —
 Я — не был там — я не могу решить, —
 За истину не выдам я — мечтаний...
 Но — как же можно иначе любить? —
 Я буду целовать — его желанья, —

Его я сердце буду — целовать,
 И ничего не стану — отрицать, —
 Ни над одной — собачкой не смеяться!..
 Он будет — бегать, прыгать, кувыркаться, —
 Скользить на лыжах — может быть, летать, —
 И в море синем — розовый — купаться!

И — это совершенно не смешно,
 Как потешались на земле — Ренаны,
 Не иступленье жалостных желаний —
 Бедняги пьяницы, — кому вино —
 Приличное, увы! не по карману —
 Так он — из золотого пьёт стакана —

Сивуху мёртвую — в мечтах... Но — благодать
 Мне ангела — из рая привела, —
 Сама — чуть слышно в дверь мою вошла, --
 Вошла и села — матерински рядомъ, —
 И матерински ← подала отраду —
 Вина бывалого — печаль, печаль!

Я раз'ясню тебе мою печаль,
 Мой будущий — неласковый читатель, —
 Против меня предубежденный! Сладким
 И — слабым ты вино моё назвал..
 Будь же внимателен: ты обещал
 Сегодня кое в чем — «поразобратся».

Я не умею иначе писать —
 Чем написалось... Вот, точь точь — как почерк!
 Беда моя, — ужасно неразборчив:
 Ни букв — ни слов, — сплошное многоточье..
 Но — ты сосредоточься: помолчать
 Себя принудь, — а я себя, — быть точным! —

Что значит — точность? — Числа. — Если есть
 Мышление, мыслить — значит числить. Здесь
 Не численная утаилась тайна —
 За мыслимым — немысленное знание, —
 Кровь бытия.. Земля?.. Вода?.. Дыханье?..
 Мечтательное — жизни, — смерти — пламя?..

Предчаяние рая есть во всём —
 Под обаянием болящей твари.
 Рай утверждается — чем? бытиём.
 Рай извлекается, — взглядишь — в своё!
 Рай иссекается — крутым кремнём, —
 Рука дрожащая — да не устанет!

Есть рая — запах! музыка — всего:
 Мечтательный — он окрест нас мерцает, —
 Но в слух, его внимающий, — вникает, —
 Чуть шевельнет — и чётко улетает, —
 И в музыке ты емлешь — вещество
 Вещей, — действительное естество!

И слово плоть! Оно стремится — огонь, —
 Но есть особая — в словесном пеньи
 Мечтательность: ты слово с краю тронь, —
 И музыка — на дне, но исторженья —
 Отдельного, — иного изумленья...
 Ты различишь его всегда — в раденьях. —

Европа мыслит в числах. Только числа,
 В неисчисленнейший восходит рай,
 Огонь — в нечисленном отвергнув — смысле, —
 И — случилось так, что колебанья мысли
 Она сочла — за вещество: игра
 Огня — ей кровью пламени — примнилась

Так: полочувствительно — не отличая
 Премудрости от знанья, — полузная, —
 Из Азии, где первый отсвет рая —
 Едва учуяв, — брошена в изгнанье, —
 И — в нём блуждая — глухо вспоминает;
 Что нечто — было! — что? — не понимая...

Есть книги мудрости. Есть книга книг —
 Бытийственных изборник провещаний...
 Но я уже тобой не понят! Миг
 Ещё, — и ты мою — уронишь нить, —
 Но я хочу, чтоб и — малейший стих
 Моих звучаний, — вник в твоё сознанье...

Ты мыслишь свет. Чего-то — колебанье?
 Чего? колеблем — кем? и кто — исчёл?
 Никто, ни — в чём! Ни — утучнённый вол,
 Ни — лев, на солнце лая, — ни — осёл,
 Чужую ношу тянущий упрямо, —
 Ни — жаворонок лёгкий, ни — орёл,

Гонимый грузно в высь, — ни — рыба — кит, —
 Ни — хлипкая рыбёшка в жидких недрах, —
 Ни — червь, — ни бабочка, — ни — троглодит, —
 Ни — василиск, — ни — облака, — ни — ветры, —
 Дух человеческий! — не разрешит —
 Колышимого, колыханья — света...

И что есть дух? Не — кровь? не — плоть? не — вещь?
 Вот — он! — спросил, — а я — его! услышал. —
 Кто мне — отвечивал? Дышу. — Кто дышит?
 Свет или — я? Кто смел всему — зажечь:
 Мерцанье — блеск — звучанье? — выше — ниже —
 Внутри — во мне?.. Порядок?.. хаос?.. вечность?..

Дрова, в вещественную бросив печь, —
 Кто — растоплял, и — дома — духом греет?
 Не зори-ль — в тучах, — засветло алеют?
 И — солнца, — в синих высях голубеют, —
 И человеческие души — тлеют, —
 Как угли — рдея иссиня — в золе?

А печь — гудит, разбрасывая искры,
 А дым — бежит — струится и — клубится, —
 А — искры прыгают, — резвясь иль — злясь, —
 Что печь их выбросила, не спросясь...
 Кем — вызволены? испытай! — как раз
 С'иронизируют: «не трубочист ли?..»

Кто — остальных и злее и дурее, —
 Сморозят, что — и ведьма им не мать, —
 И — гаснут — исподволь, — крутясь — чернея, —
 К земле клонясь, где им и — пролежать,
 Под знойной пылью и дождями тлея, —
 Покамест — вихрь их гневный не развеет!..

А вихрь? а дым?.. О — «вервие простое!»
 Старик был прав, — об истине-ль гадать?
 «Всё может быть» — как пел бывалый воин
 Крестовой братьи — и крестовый тать:
 Что ж? «Grand peut-être» — «трубочиста» стоит
 Парижской благодати-ль не под стать?

О, мир созвучий!.. Рифму, — рифму — к Нитцше!
 Какая ж свеще — в этой шибкой притче,
 Чем некто — в Мюнхене гуляя: «притче» —
 Пришпилил, — шут!.. «Дух — провонял давно...»
 А нам то — мнилось, — угонись, — поди ж ты:
 «Европа дряхлая — как труп — гниёт!»

Орать? доказывать? ломиться в двери, —
 Захлопнуты ли, нет ли, — всё равно?
 Не печка ль там пылает — так светло,
 Не лампа ли сияет — так тепло?
 Живут ли люди — пошляки иль звери?
 Кто — и во что — и почему — не верит?

Уж не пишу ль я просто для себя, —
 Сверкну ли рифмою, сорвусь — в беззвучье?
 Чему созвучна — суть вещей? отзвучна-ль?..
 Взведен курок...—Быть иль не быть?..—Что ж лучше—
 Сиянье ли, — ничтожество?.. Кто — свят?..
 Кому — в церквах колокола — звонят?

Ведь, кто-то благовесту детски рад —
 И свято молится — и славит Бога, —
 Кому то — надобен волшебный лад:
 Стихов — то бешенных, то странно — строгих, —
 Поэт — услышан миром, — братом брат, —
 И кто-то — вышел встретить на дорогу —

И обнял, старого, целуя — брата,
 Заждавшись много одичалых лет, —
 И — правды имя — наконец то свято, —
 И — зла — как не было, — и Бог — есть свет, —
 И — сломя голову, — бежал — проклятый..
 И — в одиночестве — спасенья нет!..

Да, — Бог есть свет!.. Тот самый — благодатный, —
 Жар птица — с пламенной стрелой в руках, —
 Во всех — играющих морям — лучах, —
 И благостный — в домашних очагах:
 Как камень ал — в сердцах людских загадан,
 В историях всемирных не разгадан...

Ах, все ли я ещё — как туча тёмен, —
 Как влага мутная во облаках?
 Ещё ли — сжат и — сух и — отвлечён, —
 Или, напротив, — разлился в словах —
 Непозволительно — мокро, — нескромно
 Тревожа — тления достойный — прах?

Не постеснись! — есть уголок укромный —
 Для беззаботной пошлости людской:
 «Истерик» — как лет за-сто — «меланхолик», —
 Карамзина отшлёпал Шаховской..
 Ударь — похлёще! «Графоман!..» — Родной!
 Достоин ли я — почести такой?

— Неудержимейшая страстность — слова? —
 В пеленках лёжа, — плакал и мечтал —
 Словесности отдаться жаркой кровью, —
 Мне кажется, что — даже и чужое
 Я — стал читать, чтоб душу уготовить, —
 Чтобы упорнее — мой стих, — звучал!

Зачем звучать? — Затем, чтоб свет стал — явен..
 Созвучьями? — Чтоб пламенел поток..
 И образы? — Чтоб ярк был покров —
 Над обнажённой моей печалью..
 Нет, — не наложницею, — но женой —
 Моя печаль — мне втайне отдавалась!..

Сегодня — ночь шагает по камням —
 Почти бесслышная... Автомобили —
 Не часто — набегают на дома,
 Щадя мечты людские, — и могилы —
 Перекликаются едва — едва, —
 Издалека вздыхая... Их слова

Темны, — и только — чутко вспоминаю,
 Что со Смоленского, быть может, — к Лавре —
 И тянется сегодня — тень одна,
 Бессонницей гнетомая, — а там
 И к Митрофаньевскому направляет —
 Стопы усталые, — пока трамвай —

Ещё не ожили и — не бренчат
 По воздуху морозному, — но спят —
 Как совы — в парках... Две свечи горят
 Передо мною, — наклонясь — к покою, —
 Алеша — мирно дремлет под землёю —
 Недвижный... Я — один с самим собою...

За окнами — за стеклами двойными, —
 Передвигаются сторожевые —
 Ночные души... Я одну лишь вижу:
 Веревкой руки связаны, в стальных
 Глазах не отмерцавших: вековых
 Наследий — истомлённая стихия...

Ты — истощился юношеским криком,
 И — истощённая — зашла душа —
 В мое бессилие... Ты отдышал, —
 Ко мне клонившийся, меня любивший —
 Темней, чем я тебя, — и на руках
 Моих — нечувственных, — один повисший!..

Да!.. Всё погибло... В гибелях от века —
 И во веки всеильные веков —
 Истаевало сердце человека,
 Как некий воск — пред блеском образов, —
 А вокруг шумел — парад веков вселенский,
 Вой и галдёж — бесовских голосов...

Все — изменяя, — щедро изменило,
 И — соблазняя, — скупю соблазнило;
 И — жепский яд — не стоит красных слов, —
 Которыми — целуем мы, — краев
 Мапящей чаши — и неуголимой —
 Касаясь, — на черте — земли и дыма;

И — мы дыханье — не живое пьём, —
 Коварную неогненную властность —
 Влекущую упасть на дно не страстно;
 И — трезвой влагой — чувственность пьяна;
 И — сжатой влаги желтого вина
 Мы никогда — не достаем до дна;

И — дети никнут, вспыхнув, — до рожденья —
 В разлитой жидкости мужских семян,
 И — в матерней утробе, — исторженьем
 Плода рукой враждебной, — и от язв,
 В ночи порхающих, — от пуль, — от ран, —
 От колотушек, — от того, — что пьян —

Отец опять был — в это воскресенье...
 И — девушек весеннего цветенья,
 И девочек едва от колыбели,
 И жён — подвольных мужнему решению, —
 Насилует мерзавец хулиган...
 И — обирают — нищенский карман, —

И — покупают на продажах — тело,
 Распределяя веско меж собой;
 И режутся из за одной постели —
 Кому достанется — на миг ночной; —
 И — волочатся за чужой женой, —
 И — жертвуют за женщину мечтой;

И — вешают — на взмыленных верёвках, —
 Борцов, — за то, что — страстны и честны;
 И — подлецам житьё, — и — жить неловко —
 Тому, кто верит иначе, чем — вы, —
 Тесня рабов — и вызволяя войны...
 И — все мы вместе взятые — черны, —

Как — головни!.. Все это — есть и — было, —
 А — будет ли?.. Не мыслю, — не приму —
 Такого омерзительного мира, —
 И раньше времени — усну, умру, —
 Но — не пойду, — не разделю на пире —
 Ни рюмки! — с тем, кто — праведных теснит...

И — смерти нет! — Как — сути, как — явления, —
 Как крови божеской.. Она не зло,
 Но — райской плоти в мире, — исступленье —
 Перед неправедным мирским томленьем —
 Нет смерти — в облике... Скелет? Число?..
 Воскреснет — кость?.. Лишь очерк — исчисленья?..

Она — лишь числа дряхлые слагает
 Смекалкой немудрёной торгаша,
 Который дебет с кредит — подчисляет, —
 Когда уже остался — без гроша,
 Она — воображает, что — решает, —
 Там, где уснула — дё-кости душа;

И, если — хищным пламенем дыша —
 Нам чудится! — она — отсель нас хитит, —
 Как думают, — как думал, я греша —
 Пред страстностью своей, — не в силах выпить —
 Вина, вручённого мне гневно свыше —
 (Расчислить страстно — пламенные числа), —

Мы обольщаемся — не ею!.. Смерти — нет, —
 Но мир лежит во зле! И вот — ответ
 На ужасы всего: Оно — живое:
 Оно с тех пор, как стало, выло, воет —
 И будет выть — и злиться мёртвой волей, —
 На пламенеющий рыкая — Свет!..

Не — пламя!.. Пламя — Бог!.. Огонь — огонь!..
 Огонь — растленья — и огонь — истленья, —
 Чтобы прогоркло человежье тленья!
 Оно — не всемогуще, — но — вольно
 Насильничать, грабительствовать, резать —
 Жечь, — властвует доколе в мире — мерзость!

Дотоле — смерть — как бы вольна, — властна —
 Злом вынуждаемая — миром править,
 Сама себя уж тем мертвецки славя, —
 Что Злу в угоду — шулерски считает,
 Что — Духа нет, — и этим упраздняет
 Вселенную, что Духом возжжена, —

Как влага — светом... Мы живём в обмане —
 По курсам злости, веруя, что свет
 Есть излучение седых планет,
 Что есть — испарина, а — плоти нет, —
 Что «дух воиает», но что «Grand peut être» --
 Сияньями мирскими управляет —

Всё это злая болтовня (Секрет —
 Детишки, рэзвясъ, утаят от няни, —
 А няня знает всё — уже заране)...
 Не будь же недорослем!.. Пистолет,
 Который чувственно нас искушает, —
 Брось за окошко!.. Смерти в Духе нет, —

По мир — во Зле... Я напеччу — привет
 Тебе — из книги пламенных сказаний:
 Его поведал мне бывалый дед —
 И книгочий, и умудрённый странник, —
 И — не поверили: сказали — бред...
 Родился мальчик: Мальчик тот был — Свет!

И в ту же почь над миром воссияла —
 Звезда необычайнейших лучей
 Она смутила всех мирских царей, —
 Она им — прямо в сердце — засверкала, —
 И мудрецов — и всяческих людей, —
 Всех изумила — и к себе сзывала. —

И шли — взглянуть — повыспросить — приветить, —
 Увериться, что могут быть лучи —
 Такого изумительного света
 И — не прожечь всего, что спит в ночи, —
 Мрак — не смешить с огнем — до тла — до пепла, —
 И — ей кому ж назначено, — светить?

Какому страстному царю — мирскому?
 Какой земли — ея достоин — царь?
 В каких прославленный народах — воин?
 Или в отмену — всяческих законов,
 Дсселе вьщих, — настаёт — иное
 Достоинство — не править, а — снить?

И трое мудрых — в наступленье утра —
 Вошли к царю и спрашивали: — где?
 Мы шли по изумительной звезде!
 Где явлен — Новорожденный земле —
 Царевич Божий — от Светов премудрых —
 Отца и — Сына и — Святого Духа?

И царь — тревожимый — собрал народных
 Водителей и книжных мудрецов
 И — храма Соломонова жрецов, —
 И неотступно вопрошал: где должен —
 Помазанный сияньем Трех Светов —
 Родиться, — Света Сын Единородный?

И — утомлённые в тени веков,
 И — искушённые в предзнаньях слов, —
 По знакам хартий — по следам шагов —
 По обликам изустных голосов —
 В дымах каждений — в жертвенных куреньях, —
 Гласили: — в Иудейском Вифлееме! —

Но царь, — безудержный сжимая страх —
 Бессонницей — в бессоннейших ночах, —
 К утру нудил троих: Вы рассудите, —
 Обетованных ли нам — ждать — событий?
 Мне кровь сжигает этот жгучий знак,
 Испепелить способный — светом мрак!

И, — в царской ревности — и злобой хитрой,
 Уже младенческой души взыскав, —
 Но в Вифлеем еще волхвов — послав, —
 Сказал: Идите же — и там решите, —
 Во истину ли оный час настал —
 Нам Предназначенному поклониться?

Пошли, — и вот — восточная звезда,
 Им предводительствуя, — перед ними —
 Играя — шла, и вдруг остановилась —
 Над хлебом — над соломенную крышей, —
 И, солнечнее солнца заблестав, —
 Руками повивая, — восхитилась...

И, — схваченные сном необычайным,
 Вступили в хлев — дивуясь и томясь, —
 И — увидали: явственно лучась, —
 В коровьих яслях — в пеленах свивальных —
 Преднареченное Дитя лежало —
 То самое! зачатое — в Светах. —

А около — в лучах едва мерцаая, —
 Но вся прозрачная — как и Дитя, —
 Девические взоры опуствя, —
 Стояла Мать. Так, — над водой грустят —
 Туманы месяца — в начале мая, —
 Еще легко — о рае вспоминая...

И, — упоённые желанным знаньем,
 Перед Премудростью в Ея сияньи, —
 Пред Светом Трёх Светов — в одном дыханьи, —
 Упали мудрые — в очарованьи, —
 И кланялись, и почитали прах —
 Прах человеческий — и несказанный!

И, — знаменуя — пламенное Знанье,
 Сложили — все к ногам Его — дары:
 И — золото — перед — Царём Мирским,
 И — ладан — сладостный пред Богом дым,
 И — смиренны горькой масть — перед страстным
 Его помазаньем, — да страсть прославит!

Еще дары у ног Его — курились, —
 Открылась дверь, — и двое пастухов —
 В сопутствии двух ангелов — вступили
 И, — увидав и Сына и — Покров
 Ея над Ним, — слегка — почти не близясь, —
 К Ея ногам, говея — преклонились...

Но — злобный — гневался — чертог — царёв, —
 И палачей погнал в Израиль — Ирод:
 Всё без из'ятия, — от двух годов —
 Младенчество, — в ему подвластном мире —
 Незамедлительнейше истребить, —
 Всё вырезать, — от двух годов — и ниже!

Тогда-то, — вновь Иосифу открылось:
 Заботный ангел (что послан был,
 Когда в Маринной утробе билось —
 Дитя от Светосемени) — «Бегите!..»
 Воззвал: «Младенец взыскан.. Утаите —
 До времени, — доколь скажу, — в Египте. —

Оси сонилось: вам спешить... Оттуда —
 Явленье Сына!..» И — собравши скарб
 Сывальный — наспех, взвючивши верблюда, —
 Бежали — чаючи за чудом чудо:
 Верблюд был дряхл — едва переступал, —
 Но — с каждым шагом — шаг свой, — ускорял...

А — гневъ царскіе, — ножи сточили:
 Четырнадцать ли тысяч — иступили, —
 Или — считать устали, — сами были?
 Сбылось реченное — Иеремией:
 До Рамы, — слышали, как голосила —
 Рахиль, биясь из под могильной пыли...

Так, — был царёвыми ножами — встречен,
 Так палачёвой баней был — привечен, —
 Свет Трех Светов, что — Вечностью завечен,
 Знать, — вражьей воле стало — не с руки,
 Что тайны вековые — глубоки, —
 Что есть призыв — премирнейшей тоски!

И волхвованье дарственно склонилось,
 И простосердие предумилилось,
 Праматерь — надрываясь — взголосилась, —
 Власть государственная — отменила, —
 Отвергла смысл таинственных глубин:
 Ей — Человеческий противен Сын. —

Да!.. если бы Премирная Забота —
 Его в Египет в ночь не увлекла, —
 Его бы Азия — не предала, —
 Его бы — не ославила Европа!..
 Да, — света нет! Да, — никогда — из гробов
 Не встанут светотканые тела!

Пусть стынет лед, — Кровь не нужна Завета, —
 Единственная Слава — не нужна, —
 Рай — не потребен! Над всемирным склепом
 Пусть кажет мёртвое лицо луна, —
 Пыланье солнечное — сменит тьма, —
 И звёзды черные — поглотит бездна!..

Пусть вороньё подохнет в свой черёд,
 Перетрудив и собственную падаль, —
 И — в бурный города придут упадок —
 И — в вихревой впадут ветроворот, —
 И — взвоят воды — талой воле рады,
 Покамест — в крайний не сплотятся лёд!

И — станет лёд!.. Чтобы ледоворот —
 В безобразный бы впал — вихречерёд...
 И, — в идиотском закрутившись танце, —
 Крупа развергнется — дробясь — в пространстве, —
 Пока — какойнибудь гулявый чорт —
 От делать-нечего, — всё — не сожрёт!

Так, вот она, — безбрежная мечта —
 Научной трезвенности — правды здравой...
 Или — пьянчужной хитрости — лукавой?..
 Улыбка роковая — мертвеца?
 Или и — впрямь, — нам просвещенье — в язву?...
 Эмблема человечья — слепота?

Всемирная стихия — темнота?
 Достоинство — не слух, — а — глухота?
 Кому же утаилась — глубота? —
 В глаза глядится — света лепота?
 Над головой — простёрлась высота? —
 Вселенная — целуется в уста? —

Я мыслю так (пускай — инако мыслит
 Тот, кто хитрей, — уж верно — не спроста...)
 Да, друг культуры!.. мыслить значит — числить;
 Я без зазренья — числю, — как простак, —
 Наученный с'измальства, что четыре —
 Не менее, чем — честных дважды два:

Не возносясь — и не гонясь, — ни выше,
 Ни ниже, — чем — в продольных временах, —
 Пространством — в установленных словах, —
 Под голубеющею — свыше — крышей, —
 И на зелёных, — на земных полах —
 Гуляючи, — приемля плоть — как прах, —

Решаю так — мудрец я иль простак —
 (Один с другим каким то краем сходствен):
 Есть — здание, так — стало быть — есть Зодчий, —
 А Зодчему, — по малой мере — родствен
 План — здания; Его расчёт и страх, —
 Страх — творческий, — как предразмыслить брёвна —

Фундамент и цемент... Он, словом, строил, —
 А выстроиться сам — не то, что храм, —
 Сарай не мог бы — выдуматься сам.
 Вот доказательство: оно простое
 И — древнее... Его же отверг сам Кант, —
 Так верно же чегонибудь — да стоит!

Ведь Кант пришелся папенькой — Ренану...
 Был немец щуплый, — хоть солидным слыл —
 Зато, что в Кенигсберге отлучил —
 Сияние от Духа, — предложив:
 Взамен Христа, — почтить — Императив
 Категорический: вот так — Осанна!

Не так то — прост... Вместо того, чтоб — в кирку
 С молитвенником, — по воскресным дням —
 Честь честью, — вишь какую заковырку —
 Загнул!.. Ну, шут же — с ними! Что — Ренан,
 Что — Кант, — один, как молвится, — роман:
 Достолюбезнейший наш мистер Пиквик!..

Почийте пухом, пухлые гроба, —
 Всесветных восхищений захоlustья!
 Я юношеской помяну вас грустью:
 Сочувствия сменялись и года, —
 Но — мистер Пиквик, — верьте: никогда —
 Не обращал я — к Вам моих сочувствий!

Я — в Индии готов был потерять,
 Чтобы — найти, свою — исхитив душу, —
 Не знал я басни — ваших басен суше:
 Безблагодатна мне ваша — благодать...
 Европа, — если ты была мне — мать, —
 Я — непочтительный твой сын! ослушник!

Мне — дикенсовых басен не читать, —
 Хоть — и бывает: надо б — ране встать, —
 Бессоница — не легкая исторья:
 В глаза смотреться ночи вероломной
 И — в них читать своё — за горем горе, —
 И лампу — раз по двадцать — зажигать...

Лишь одинокие твои умы, —
 С писатели — сказители, — волхвы —
 Вверительно — в отмену древней тьмы,
 Ветшающей вокруг твоей тюрьмы, —
 Ответствовали — трепетаньем Света,
 Колеблемого между двух заветов. —

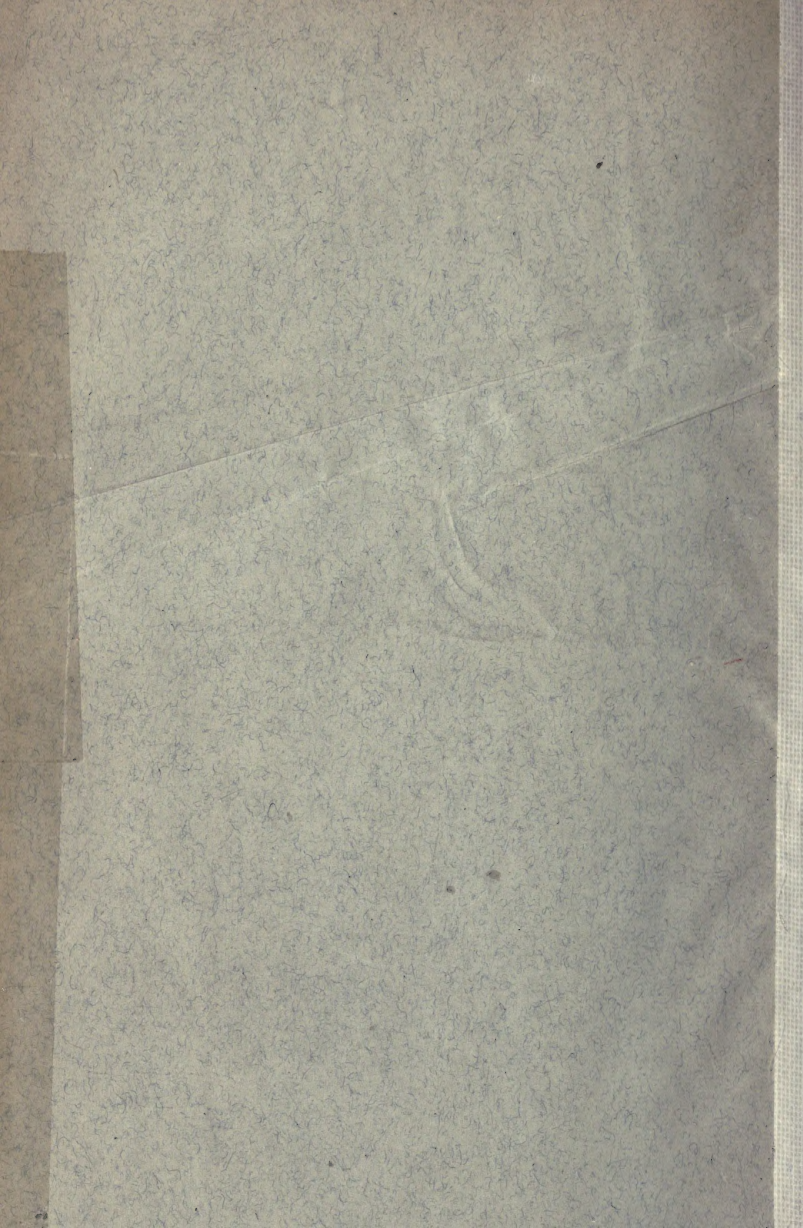
Я верую, — ты раю — спасена, —
 Твоими праведными — решена
 Судьба твоя: пребыть до воскресенья, —
 Когда — за них — ты будешь взнесена;
 Твоих волхвов — пред Тайной поклоненьем,
 И пастухов — пред Таинством говеньем!

Тебе зачтется истовость твоих
 Мечтателей, — да оживут полотна, —
 Да отразится несказанный Лик —
 Неописуемый возникнет миг, —
 И — отразился, — ожили, возник, —
 Светожеланной Матери — заботой!

Валы органные торжествовали,
 И высилась под своды тишина, —
 Молитву грешную уста шептали..
 И — Деву памятью — посвящали
 Стихи прекрасной — и коварной даме, —
 Но имени — Ея! и, — прощена —

Ты: и — в кощунстве — утреннего сердца, —
 И — в каждом простодушии усердном, —
 И — в каждой поступи, над коей — крест
 Был поднят, и — в походах тех потешных, —
 Где меч стал крест, и — в тех вечерних жертвах, —
 Чистосердечных и всегда — безвестных...

Но — тот, — кто Иродовой льстимый лестью, —
 Свет извратил — костром или мечом, —
 Тот будет — сброшен, — измельчён — огнём:
 Суди его — Сверканье!.. Кто ж — умом
 Лядащим, — Деве оказал — бесчестье, —
 Тот — бездне присягал и — звал беззвездье!..



PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3460
G48L5
1922

Gippius, Vladimir Vasil'evich
· Lik chelovecheskii

